„Socialistitcheski Vestnik"
„Le Courrier Socialiste"
„Der Sozialistische Bote"

REVUE BIMENSUELLE

Prix — 4 frs

Organe Central du Parti Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 13-14 (416-417)
18-й г. издания

Подписная плата для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год 100 фр., за ½ г. — 50 фр., на ¼ г. — 25 фр., для С.А.С.Ш.: за год — 6 долл., за ½ г — 3 долл., за ¼ г. 1,50 долл.; для остальных стран: за годъ — 150 фр., за ½ г. — 75 фр., за ¼ г — 40 фр. За перем. адр. — 1 фр. Конт. и ред.: 11, Square Albin Cachot (141, r. Broca), Paris XIII. Тел.: Port-Royal 05-25
Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris
Прием по делам ред.: по понед., средам и пятницам, от 11—1 ч.

30 Июля 1938 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Сталинские выборы и сессия Верховного Совета РСФСР

99,3% избирателей РСФСР явились к урнам.

99,3% голосовавших отдали свои голоса за «сталинский блок».

Можно-ли придумать более красноречивую эпитафию над могилой безвременно почившей сталинской «демократии»? И что могут в этом бесстрастном свидательстве сухих цифр, в этой характерной картине бонапартистского плебисцита изменить самые велеречивые передовицы, самые эффектные снимки придворных фотографов?

Когда мы два года тому назад, комментируя в нашем органе только что изданный проект новой советской конституции («Сто сорок пять и одна», «СВ», № 12, 1936 г.), высказывали опасение, что пресловутая статья 126, запрещающая в Советском Союзе все политические партии и организации, кроме ВКП, фактически сведет на нет всю конституцию и все прокламированные в ней политические права граждан, и тем самым уничтожит ту демократию, которую эта конституция хочет ввести, — то мы сами не представляли себе, до какой степени и как быстро оправдаются наши самые худшие опасения.

Летом 1936 года казалось, что Сталин, наконец, осознал ту опасность внутреннего разложения и гибели, которая грозит русской революции; что он от бюрократического вырождения и гипертрофии коррумпированного и неспособного аппарата собирается серьезно аппелировать к самодеятельности и контролю масс в форме всеобщих и тайных выборов; что он предпринимает смелую попытку круто повернуть руль в последний момент перед тем, как советская ладья готова наскочить на роковые скалы. Нет сомнения, что подобного рода мысли тогда действительно роились в головах руководителей большевистской диктатуры. Ведь в комиссии по выработке конституции тогда еще участвовали Радек и Бухарин. Ежов еще не был тогда фактическим властелином России. Но рок большевистской динамики в том то и заключается, что губительные тенденции вырождения, заложенные в террористической диктатуре, каждый раз оказываются сильнее предусмотрительности и дальновидности отдельных вождей. Вместо демократизации диктатуры получилась ее дальнейшая бонапартизация. Вместо демократического контроля масс — была спровоцирована вакханалия ябедничества, доносительства и «чисток», от которых стало страшно самим инициаторам; вместо «плебисцитарной рационализации» аппарата путем всеобщих и тайных выборов получилось дальнейшее неслыханное ухудшение хозяйственной и административной государственной машины, доведшее страну до грани хаоса и катастрофы; вместо «пролетарского гуманизма» и «демократизма», о котором так много писали продажные советские перья, и о которых с такой тоской мечтали все действительные друзья Советской России, получились длинные вереницы московских «процессов», новые гекатомбы казненных и умученных.

Нужно только сравнить то внутреннее и внешнее положение, в котором Советский Союз находится сейчас, с той ситуацией, в которой русская революция м о г л а бы находиться, если бы планы демократиза-

ции 1936 года были искренне и честно проведены в жизнь, для того, чтобы конкретно измерить всю глубину сталинского падения.

В полном соответствии с этим общим процессом разложения происходила и все усиливающаяся фальсификация того «исторического документа», каким казалась в первый момент новая конституция. 126 статья убила все остальные 145. Не только не было допущено участия других политических течений в избирательных кампаниях на выборах, но даже та множественность кандидатур, которая допускалась 126 статьей (кандидаты от разных советских организаций) фактически была отменена, и система единых-оффициальных избирательных списков была проведена в «демократизированной» СССР в этой «высшей и самой совершенной демократии мира», куда с большей последовательностью и категоричностью, чем во Франции Бонапарта III или, чтобы взять ближе лежащий пример, совершенно так же, как в гитлеровской Германии. Избирательная кампания, которая проектировалась как гигантская всероссийская дискуссия, как честное состязание мнений в целях выяснения истины, превратилась в раболепное низкопоклонничание перед двойкой Сталин-Ежов. Выборы, которые должны были внести освежающую и очищающую струю во всю советскую жизнь, превратились в казенный плебисцит, в лживый, подложный и фальсифицированный «энтузиазм» в честь Вождя.

Чем же, кроме продолжения той же лживой комедии, могла явиться сессия «Верховного совета РСФСР», гордо открывшаяся 15-го июля? Речь декоративного мужичка Барышева, открывшего сессию и занимающая в стенограмме «Правды» едва 100 строк, не менее с е м и раз прерывалась овациями в честь Сталина: «Бурные аплодисменты, все встают, возгласы: «да здавствует тов Сталин»... «Бурные аплодисменты, переходящие в овацию. Возгласы с мест: «ура товарищу Сталину»... «Все присутствующие в зале встают, на разных языках народов РСФСР несутся возгласы ура тов. Сталину»... «Бурные продолжительные аплодисменты. Депутаты стоя устраивают горячую овацию товарищу Сталину»...

И т. д., и т. п.

И этим лизанием сапог Фюрера в сущности исчерпалась все содержание сессии. За шумными овациями в честь «великого вождя всех народов», самый демократический парламент мира совершенно забыл обо всех своих функциях и привилегиях, о всех своих правах и обязанностях, которые дарованы ему новой конституцией. Была для фотографов и иностранных корреспондентов проделана вся в н е ш н я я шелуха парламентаризма: и формальная подача в отставку старого правительства, и утверждение нового, и назначение всяких комиссий. Но ни в одном отчете нельзя найти ни малейшего указания на то, что Верховный Совет сколько-нибудь серьезно и реально занялся функциями законодательства, контроля, управления. Уж на что бессильна была царская Государственная Дума, но и она представляет собою прямо какой-то Монблан парламентаризма по сравнению с нынешним Верховным Советом. Уже на что фиктивна была власть старого ЦИК'а перед лицом диктатуры ЦК ВКП, но даже сравнить нельзя ЦИК начала 20-х годов с «суверенным парламентом самой демократической страны в мире» *).

Сталинская демократия, задуманная как исторический поворот и имевшая все шансы стать, б. м., путем для спасения революции, оказалась блеффом. Выборы — превратились в диктаториальный плебисцит, а вышедший из этиэ выборов «парламент» — в театр марионеток.

Горе русской революции!

*) Не характерно ли, что председателями республиканских Верх. Советов — всюду без исключения оказываются... партсекретари соответствующих организаций ВКП (б)?!

П. ГАРВИ.

На острие меча

Накануне двадцатой годовщины окончания мировой войны, — «последней войны», как значилось в наборе лозунгов военной пропаганды — предвоенная тревога охватывает народы всех пяти частей света. Еще сгибаясь под бременем расходов по ликвидации войны 1914-18 гг., еще не выйдя полностью из тисков небывалого экономического кризиса, великие и малые страны обоих полушарий взваливают на себя еще более тяжелое, поистине непереносное бремя беспримерных вооружений на суше, на воде и в воздухе. Границы между государствами превращаются в сплошные железобетонные «линии Мажино», а самые государства — в военные лагери и в кузницы оружия. Очаги военного пожара вспыхивают один за другим: в Сев. Африке, в Испании, в Китае, — вот-вот запылает м и р о в о й костер.

Причины такого положения, которое долго ведь продолжаться не может, известны. Более дальняя причина — это ослепление победой и преступная близорукость стран-победительниц, буржуазные правительства которых, хотя и теснимые жаждавшими прочного и справедливого мира народами, навязали побежденным худые мирные договоры, таившие в себе семена новых столкновений. Более близкие причины — это обострившийся под влиянием мирового кризиса экономический национализм (автаркизм) и связанная с ним новая форма социальной и политической реакции, ф а ш и з м, принципиально ставящий и на арене внешней политики силу выше права. Именно фашистский неоимпериализм, в отличие от довоенного, крупнокапиталистического увлекающий за собой и народные массы, особенно средние классы, обещанием просторного «места под солнцем», является непосредственным носителем военной опасности.

Неоимпериалистические стремления покинувших Лигу Наций великих держав — Японии, Германии и Италии — толкают мир к новой катастрофе. Мирная декламация фашистских вождей преследует ту же военнополитическую цель д е з о р и е н т а ц и и собственных и чужих народов, что и об'явленный крестовый поход против «мирового большевизма». Спекулируя на социальных страхах и отталкиваниях буржуазных классов в странах Зап. Европы и Америки, «антикоммунистический блок», на деле прикрывающий военный союз Германии, Италии и Японии, не без успеха создавал дымовую завесу, облегчавшую и военное вторжение Японии в Китай, и вооруженную интервенцию Италии и Германии в Испании. Антикоммунистическая маскировка довольно долгое время скрывала, если не захватнические ц е л и стран-агрессоров, то н а п р а в л е н и е их ближайших ударов: в «антикоммунистическом» крестовом походе фашизма буржуазно-консервативные круги Англии и Франции видели отвлечение непосредственной военной опасности с за-

пада на восток, в сторону Советского Союза.

Это оказалось иллюзией. Захват Австрии и угроза, нависшая над Чехословакией, показали, что «натиск на восток» не единственное и, пожалуй, не главное направление гитлеровской политики напроломной экспансии. В то же время вскрылись и настоящие цели итало-германской интервенции в Испании. Как ни относиться к вопросу о подлинности или апокрифичности пресловутого доклада ген. Райхенау о той роли, которую Испания должна играть в будущей мировой войне, самый факт итало-германской подготовки пиренейского и Средиземноморского плацдарма против Франции и Англии не может вызывать сомнений, — хотя бы после доклада английского агента при ген. Франко сэра Ходжсона.

***

«Идеологическая война» разоблачила себя, как боевой союз трех империализмов. С присущей ему циничной откровенностью Геббельс недавно выболтал тайную цель этого «идеологического» союза, заявив, что в порядок дня истории поставлен новый передел мира. Возможно, что правый французский публицист де Керрилис несколько упрощает намеченную «осью» схему раздела мира: Японии — Азия, Германии — Европа, Италии — побережье Средиземного моря, включая Сев. Африку. Но не подлежит никакому сомнению, что фашистские планы передела мира направляются теперь не только против России и Китая, не только против средних и малых государств юговосточной Европы, но и против двух колониальных империй — Англии и Франции.

Попыткой «идеологического» освящения этого поворота итало-германской «оси» против Франции и Англии является нашумевшее предисловие Муссолини к недавно изданному в Италии сборнику «Актов Великого Фашистского Совета». Мы узнаем из этого предисловия, что для фашистской Италии, стремящейся к воссозданию Римской Империи, испанская война является продолжением войны абиссинской, но что и испанская война является лишь аванпостной стычкой. Муссолини подчеркивает огромное принципиальное и поворотное значение этой стычки: после того, как большевизм сделал испанскую войну «своей», фашизм тоже поспешил сделать ее «своей». В результате — пишет Муссолини — «в первый раз — но в последний ли? — черные рубашки столкнулись на международной арене с силами большевизма и с силами «бессмертных принципов»; это — первое столкновение между двумя революциями, революцией прошлого века и нашей». Чтобы не портить своей прикладной историософии, Муссолини включает большевизм, как «форму реакции» в либерально-демократическую «революцию прошлого века».

Но не в этой маленькой подтасовке суть новых вещаний основоположника и теоретика фашизма, а в том, что их острие направляется сейчас против «бессмертных принципов», против идеи индивидуальной свободы и демократии, лежащей в основе государственного строя Франции и Англии. Русский большевизм, против которого вчера еще об'являлся «крестовый поход» в мировом масштабе, сегодня оказывается лишь идейно-политическим привеском к либерализму, «частным случаем» демократической концепции. В переводе на политический язык эта идеологическая «передвижка» означает, как правильно отметил Андрэ Леру в парижском «Попюлэр», что в настоящую минуту наиболее непосредственным и стеснительным препятствием на пути агрессивных замыслов и авантюр итало-германского блока является «не большевизм, а демократия, не СССР, а Франция».

И на самом деле — не против большевизма, а против демократии направлена итало-германская интервенция в Испании, начавшаяся, кстати, задолго до появления советской помощи — еще в подготовительной стадии военного заговора ген. Франко. Даже лондонский «Таймс», обслуживающий социальные страхи консервативной английской буржуазии, вынужден был, по случаю двухлетней годовщины гражданской войны в Испании, признать, что «очищенный» от временных наслоений и случайных заскоков испанский конфликт сводится не к антитезе: большевизм против капитализма, а к антитезе: демократия против фашизма. Демократическая печать всего мира сходится на том, что именно пафос борьбы за свободу и независимость, пафос подлинной демократии, одушевляющий пролетарские и непролетарские слои, анархистов и католиков, социалистов и каталонцев, об'ясняет подлинное чудо героического сопротивления республиканской Испании, разрезанной на две части и выдерживающей тройной натиск отечественного, итальянского и германского фашизмов. И уж нет сомнения в том, что защищая собственную демократию и независимость, республиканцы защищают дело европейской демократии, в частности, препятствуя превращению Испании в плацдарм для войны против Франции и Англии.

***

Тем понятнее то сопротивление, которое оказывает лэйбористская и либеральная оппозиция в Англии нерешительной и капитулянтской политике консервативного правительства в испанском вопросе, политике, нашедшей активную поддержку в консервативных кругах Франции. Лишь под давлением этой неослабной и мужественной оппозиции Чемберлен оттягивает вступление в силу англо-итальянского «джентльменского» соглашения, подписанного 16 апреля — на другой день после захвата Австрии и накануне готовившегося нападения на Чехословакию. Единогласное принятие лондонским комитетом о невмешательстве английского плана эвакуации «волонтеров» из Испании еще не гарантирует от повторения тех неудач, которые выпали на долю аналогичных планов, неизменно срывавшихся итало-германским блоком.

Было бы, однако, неправильным отрицать появление признаков, указывающих на возможность спасительного перелома, подготовленного рядом психологических моментов и политических фактов. Отступление Гитлера в чехословацком вопросе было первым признаком этого перелома. Оно явилось столько же результатом решимости Чехословакии оказать вооруженное сопротивление Германии и твердых заявлений Франции и Советского Союза о выполнении ими своих обязательств, как и последствием дружного дипломатического выступления Лондона и Парижа в Берлине. Неожиданно длительное сопротивление китайской и испанской Народных Армий также содействовало перемене международного «климата». Немалое значение имело и то обстоятельство, что Великобритания и Соед. Штаты, ощутившие непосредственную опасность милитаристического «треугольника» Япония-Германия-Италия, развили неожиданные темпы в деле вооружения, опираясь при этом на свои огромные материальные рессурсы. Поворот общественного мнения в Соед. Штатов, еще недавно увлеченного близоруким изоляционизмом, в свою очередь немало посодействовал тому перелому в реальном соотношении сил на арене мировой политики, который начал сказываться в ослаблении панических

и капитулянских настроений в демократической Европе.

Визит Гитлера в столицу новорожденной «Римской Империи», имевший целью доказать, что захват Австрии не ослабил «оси» Рим-Берлин, заставил насторожиться Англию и Францию. Вернее всего Италии были при этом обещаны компенсации за счет Испании и Франции, а, может быть, и за счет африканских колоний Англии. Имперские пути сообщения, как Англии, так и Франции оказались под прямой угрозой, а вместе с колониями и сами метрополии. Эта общность опасности вновь сблизила Францию и Англию. В то же время успех их общей акции в чехословацком вопросе показал эффективность их совместных выступлений. Создалась, наконец, реальная и психологическая почва для тесного сотрудничества двух демократий, первый камень которого был положен правительством «Народного Фронта» во время поездки Леона Блюма и Дельбоса в Лондон, в июне 1936 г.

**
*

Визит английского короля во Францию приобрел в такой обстановке крупное политическое значение. Это, конечно, воскрешение Антанты, но только в другой исторической обстановке. Лига Наций призвана была заменить систему военных союзов и вооруженного равновесия. Но именно страны-агрессоры сорвали эту попытку заменить систему вооруженного мира системой мира разоруженного. Новая Антанта является, несколько запоздалой даже, реакцией на образование военноопасной «оси» Рим-Берлин-Токио. Она носит чисто оборонительный характер. Она готова жить в мире со всеми —и вступать в переговоры со всеми. Она может и должна, в интересах сохранения мира — стать ядром концентрации все, заинтересованных в сохранении мира, держав.

Мы не знаем содержания тех соглашений между правительствами и генеральными штабами Англии и Франции, которые закреплялись во время визита Георга VI. Но в речах, которыми обменялись главы двух демократий и которые были расчитаны на мировое общественное мнение, подчеркнуты были: 1)общность судеб и интересов обоих народов, 2) их одинаковая привязанность к демократическим принципам и вера в благодетельность личной свободы и 3) стремление обоих правительств «найти, при посредстве международных соглашений, разрешение тех политических проблем, которые угрожают всеобщему миру, и экономических трудностей, которые ослабляют человеческое благосостояние» (слова короля).

Такие заявления обязывают. Это не об'явление «идеологической войны», но это законная, пока что идеологическая, самозащита старейших демократий Европы. Это также не показное миролюбие, но решимость и готовность итти в интересах мира на переговоры, соглашения, компромиссы, — под непременным условием отказа Италии, Германии и Японии от методов агрессии и от нарушения международных договоров. Именно такое содержание англо-французского сотрудничества определило собою единодушную и положительную реакцию народных масс Парижа на визит английского короля.

В Берлине уже ощутили ту перемену, которая в парижских торжествах проявилась во вне, но которая вызвана глубокими реальными сдвигами. Посылкой своего «частного» агента Видемана в Лондон с мирными заверениями и предложениями Гитлер хотел предупредить закрепление англо-французского союза в связи с визитом короля. Непосредственно после этого визита Гитлер через посредство германского посла в Англии, фон Дирксена, вновь попытался ослабить только что скрепленную связь между двумя великими демократиями. Сущность этих забеганий и заманчивых предложений сводится, повидимому, к попытке воскрешения «пакта четырех», в частности, для разрешения чехословацкого вопроса без... Чехословакии и уж, конечно, без ее союзника, Советской России. Как ни прозрачны

Р. АБР.

Рождение итальянского фашизма

Книга тов. А. Росси, вышедшая недавно по французски *), и выходящая вскоре на других языках, дает гораздо больше, чем обещает ее заглавие. Это не только крайне интересный, обстоятельный и углубленный анализ причин, приведших к торжеству фашизма в Италии, но и чрезвычайно вдумчивый экскурс в область общих проблем пролетарской тактики.

Росси можно меньше всего обвинить в стремлении упростить события, пренебречь всей сложностью того причудливого переплета экономических, политических, социальных и национально-психологических и даже личных факторов, совокупность которых привела к победе Муссолини в Италии. Он чрезвычайно тонко и живо рисует губительное влияние глубокого экономического кризиса, охватившего Италию в годы после войны. В 19-ом году демобилизовано одиннадцать призывных возрастов; предохранительный клапан эмиграции, который всегда играл большую роль в экономическом равновесии Италии (900.000 рабочих и крестьян эмигрировали оттуда в 1913 году), оказался закрытым не только во все годы войны, но и после войны; около миллиона рабочих, занятых в предприятиях на оборону, оказались ненужными больше на фабриках и заводах; обратное преобразование военной промышленности в мирную требовало гигантских капиталов, которых не было; доступ на мировые рынки, захваченные во время войны более богатыми и развитыми нациями, был фактически закрыт для итальянской промышленности.

А, между тем, все исполнены каких-то надежд, все чего-то ждут. Как удовлетворить гигантски возросшие аппетиты и чаяния?

Кризис, глубоко всколыхнувший страну, породил неразрешимое противоречие между возросшими потребностями и невозможностью их удовлетворить. Он нарушил экономическую, социальную и психологическую стабильность общества, создал состояние неустойчивости, внес в социальный организм элемент глубокого брожения. Кризис всегда действует как своего рода отбор: если имеются на лицо жизнеспособные силы нового порядка, кризис становится фактором революционным. Если же элементы нового оказываются неспособными разрешить проблему кризиса, как это было в Италии в годы после войны, то кризис становится силой, консолидирующей старый порядок. Опыт Германии подтвердил это положение Росси, и он умозаключает: без кризиса нет фашизма.

*) *A. Rossi:* **„La naissance du fascisme (Italie 1919—1922). Paris, Gallimard 1938.**

эти поспешные маневры фашистской дипломатии, совпадающие с тайной концентрацией войск на Рейне, они свидетельствуют о том впечатлении, которое произвело создание «оси» Париж-Лондон на инициаторов «оси» Рим-Берлин.

Но англо-французское сближение получит все свое значение и весь свой вес на арене внешней политики лишь в том случае, если она окажется кристаллизирующим ядром. Это как-будто поняли правительства обоих стран, сознающие, судя по заявлениям короля и президента, лежащие на них обязанности перед Европой и перед всем миром. Отсюда активная и успешная дипломатическая и финансово-экономическая деятельность, которую в последнее время развивают Англия и Франция в Средней Европе, на Балканах и Ближнем Востоке, т. е., на том пути из Берлина в Багдад, по которому, после захвата Австрии, намерен устремиться германский неоимпериализм, отчасти, из желания обеспечить свою военную машину сырьем, продовольствием и нефтью.Особенно важное значение, как показатель намечающейся концентрации сил, заинтересованных в сохранении мира, имеет франко-турецкое соглашение.

Начавшийся перелом на арене мировой политики повелительно требует также сближения новой Антанты с Советским Союзом. Недавняя речь Калинина на собрании ленинградских пропагандистов была проникнута еще настороженностью, чтобы не сказать враждой, по адресу консервативной Англии. Как ни справедлива критика испанской политики Чемберлена и как ни основательны подозрения советской дипломатии насчет английской политики в японо-китайском конфликте, нельзя, однако, не видеть, что только преодоление всех накопившихся недоразумений и подозрений и только сближение с Англией, Францией и Америкой способны вывести Россию из под двойного удара — на Западе и на Востоке. Падение престижа Советской России и Красной Армии в результате безумной внутренней политики Сталина, несомненно, затрудняет ее сближение со странами демократии для общего дела — спасения мира.

А между тем новое обострение японо-советских отношений из-за спорного пограничного пункта Ченг-Ку-Фенг, вновь напоминает о том, что неделимость мира это не благое только пожелание, а повелительная необходимость и исходный пункт всякой реальной политики мира.

Времена — что ни день — становятся серьезнее. Земной шар буквально балансирует на острие меча. Появились первые признаки нового равновесия, — потому что окреп чуть-чуть фронт демократии, слабость и разрозненность которой питали напористость агрессоров. Задача международного пролетариата продолжать крепить фронт мировой демократии и всеобщего мира.

Тут речь идет, конечно,не об обычном экономическом кризисе в его классической форме. Росси имеет в виду тот специальный кризис, который возник в результате войны и который характеризовался наличностью огромного промышленного аппарата, превышавшего нормальные потребности, тяжелой досспропорцией между различными секторами промышленности и сильным падением покупательной способности масс. Подобного рода кризисы приводят страны, не располагающие (в отличие от Соед. Штатов, Британской Империи или России) огромными внутренними рессурсами и гигантским внутренним рынком, в безвыходное положение. На почве экономического тупика нарождаются автаркические, радикально-националистические настроения и теории, увенчивающиеся мифом о «местечке на солнце», которое-де необходимо себе отвоевать в мире, для того, чтобы народ не погиб. Создается идеология новой войны, как прямое следствие экономического кризиса, оставшегося в результате только что закончившейся старой войны.

Но экономический кризис сопровождался в Италии кризисом государства. Сравнительно молодая, неустоявшаяся, неорганизованная, лишенная прочных традиций, ослабляемая культурной и политической отсталостью обширных областей, в особенности юга, демократическая государственность Италии оказалась не в состоянии справиться с нахлынувшими на нее в результате войны огромными задачами. Нет дальновидных политических вождей, нет прочных авторитетных партий, которые могли бы составить стабильное правительство. Парламентские кризисы сменяют один другой, не давая никакого выхода из тупика, парламентаризм скомпрометирован в широких слоях населения; другие, революционно-настроенные массы, находящиеся под влиянием русской революции и революций в Центральной Европе, вообще готовы вычеркнуть демократический парламентаризм из своего словаря и живут в ожидании того великого переворота, который должен грянуть не сегодня, так завтра. В этой ситуации государство живет со дня на день, идя от компромисса к компромиссу, от капитуляции к капитуляции.

***

В этих условиях все популярней становится идея диктатуры. Кризис государства превращается в кризис демократии. Периферийные органы государства — полиция, администрация, юстиция, армия оказывают поддержку тому течению, которое написало на своем знамени лозунг националистической и империалистической диктатуры. Органы эти подготовляют почву для фашистов, снабжают их оружием, транспортными средствами, обеспечивают им безнаказанность. Циркуляры и декреты государства застревают в канцеляриях. Да и сама центральная власть, впрочем, не собиралась серьезно бороться против угрожавшей диктатуры. Ибо все надеялись использовать фашизм для своих целей: Джиолитти — для того, чтобы толкнуть социалистов к сотрудничеству и коалиции; консерваторы — для того, чтобы помешать вовлечению социалистов в коалицию; промышленники и аграрии —

МАРК РУДОВСКИЙ.

„Содружество поколений“

Выборы в республиканские советы, как и выборы в всесоюзный Верховный Совет, заставили большевистских передовиков торжественно настроиться. Предвыборные статьи и статьями назвать нельзя: сплошные оды. Особенно постарались и на сей раз «газработники» из «Комсомольской Правды». Сколько лестных слов было ими сказано о «золотом фонде социализма», о молодежи. Чем ближе были выборы, тем более высокие ноты брались комсомольскими передовиками.

В статье «Боевое содружество поколений» («Комс. Правда», 20. 6.) утверждается, что «социалистический строй уничтожил вековечную проблему отцов и детей». «В советской семье, — пишет газета, — нет расхождения между идеалами и стремлениями старших и младших». Напротив, «оба поколения живут общими интересами, делают одно дело». Даже по праздникам, когда счастливые народы, «озаренные солнцем сталинской конституции» валят к избирательным урнам, рекомендуется не прибегать к такого рода «преувеличениям». Ибо никогда за все время существования советской власти не были так сильны противоречия между старшими и младшими поколениями, как именно сейчас.

Третье поколение, сверстники Октября, представители которого восседают в Верховном Совете, во многом отличаются от второго поколения молодежи. Старшее поколение, вошедшее в жизнь в годы первой пятилетки, исполненные социального электричества, воспитывало в себе героические чувства. Общественные устремления этого поколения эксплуатировались большевиками в первый период генеральной линии. Как отряды скорой помощи носятся по городу, охваченному стихийным бедствием, так носилась молодежь пятилетки «от края и до края» нашей страны, активно участвуя в колоссальном строительстве. Личные интересы играли второстепенную роль. Они не выпирали наружу, не приобретали шкурного характера. Во всяком случае, не они являлись главной двигательной силой. И в течение долгих лет героем советской печати была именно масса, коллектив молодежи.

Статьи и очерки посвящались героическому труду не отдельных личностей, а бригад молодежи.

Период «освоения», начавшийся в 1934 году, внес много перемен в советскую действительность. Понятия и жизненные навыки, приобретенные за годы «великого строительства», как-то сразу устарели. Жизнь пред'являла новые требования. Об'явлена война штурмовщине и «кампанейству», как презрительно стали называться методы, при помощи которых молодежь боролась с бесчисленными прорывами в народном хозяйстве. И лозунги освоительного периода приобретают иной политический смысл; они наполнены иным социальным содержанием.

Третье поколение стало творчески участвовать в жизни, когда лозунг «о счастливой и зажиточной жизни» стал раздаваться все чаще и чаще. Подлинный смысл нового курса заключался в том, чтобы вызвать и развязать «частную инициативу». В советских условиях этот курс принес свои ядовитые плоды.

Социальная целеустремленность второго поколения молодежи питалась верой и убеждением, что ею, этой молодежью, строится подлинный, всамделишный социализм. Когда несколько лет тому назад стали подводиться итоги первых пятилеток, то перед умственным взором молодежи встало все новое, что ее трудами было создано. Встали оснащенные современной техникой ги-

---

для того, чтобы ликвидировать профсоюзы рабочих; монархия и Ватикан — для того, чтобы консолидировать «основы». Каждый ставил ставку на фашизм, как на временного союзника, от которого потом легко будет отделаться. Джиолитти включил фашистов в 1921 году в список кандидатов «Национального блока», а когда граф Сфорца предупреждал его об опасности подобного рода союза, он ответил, что эти кандидатуры вроде фейерверка: они наделают много шуму, но от них ничего не останется... Даже итальянский король еще в декабре 1924 года говорил Бриану: «Это не серьезно, это долго не продержится».

«Так, свобода, ради которой никто, — ни отдельные личности, ни политические группировки не хотели пожертвовать ничем из своих амбиций или из свох эгоистических интересов, — осталась без защитников»...

Зато государственный аппарат и вся мощь капиталистических классов оказались в роли сообщников и покровителей фашистских претендентов на диктатуру. И это Росси считает чрезвычайно характерной, неот'емлемой чертой фашизма не только итальянского, но и всякого: без толерирования и прямой помощи государственной власти нет победы фашизма. Росси чрезвычайно подробно и с большим количеством интереснейших деталей описывает ту сложную механику, которая побудила итальянское правительство и монархию отдать власть в руки Муссолини без всякого боя. На выставке итальянского искусства в Париже летом 1935 года фигурировало огромное полотно, на котором был изображен Муссолини верхом на коне во главе легионов, идущих на Рим, — Муссолини, бросающийся, подобно Наполеону, в самую гущу кровавых и яростных схваток... Это —творимая легенда. Как всем известно, и как Росси подробно документирует, на самом деле не было ни похода на Рим, ни участия в нем Муссолини. Муссолини в это время находился в спальном вагоне, где ему 30 октября 1922 года, т. е. еще до похода на Рим, «который не имел места», была королем передана власть (стр. 241-244).

***

Какие же боле глубокие причины обусловили добровольную капитуляцию монархии, государственной влати и почти всех буржуазных партий и капиталистических организаций перед удачливым авантюристом Муссолини?

Фашизм — есть диктатура, это то, на чем все сходятся. Но за пределами этой прописной истины начинается глубокое расхождение в дефинировании понятия фашизма. Одни говорят о «диктатуре капитала в эпоху его упадка»; другие о «диктатуре крупного капитала»; третьи о «диктатуре финансового капитала»; четвертые об «открытой террористической диктатуре» наиболее реакционных и империалистических элементов финансового капитала», пятые — «о диктатуре 200 семейств»; шестые — о личной диктатуре вождя: «итальянский фашизм — это Муссолини.

В каждом из этих определений имеются элементы

ганты-заводы, тракторы и комбайны на полях. Но во всем этом новом молодежь одного не нашла — социализма, новых человеческих отношений, во имя которых она героически боролась. Социальное напряжение, присущее второму поколению молодежи, ослабевало.

Бригады энтузиастов стали в 1934-35 годах исчезать со сцены. Их место занял «знатный человек». Стахановец — «ведущая фигура», герой третьего поколения. С него должна молодежь пример брать. У него она должна учиться работать и жить.

Обладая, несомненно, большими способностями и хорошей смекалкой, стахановец завоевывает особое положение на заводе. Увлеченный в начале жаждой успеха и славы, стремлением показать небывалые нормы, он затем увлекается и другим, тем, что ему подсказывает известный лозунг. Стахановец хочет весело и зажиточно жить. Он и в быту на особом положении. Тут и начинается второе отличие двух близких поколений. Молодежь генеральной линии едина в своих социальных и политических устремлениях. Молодежь третей пятилетки — разобщена и дифференцирована.

Превалирование личных интересов над всеми другими приняло в последнее время такой угрожающий характер, что заставило «Комсомольскую Правду» выступить с критикой своего героя. В осторожных и «легких» выражениях газета указывает на все усиливающийся эгоцентризм стахановцев. В статье «Эгоисты» («Комсомольская Правда» от 21 марта) стахановец рисуется в следующем виде: «дай мне», «пошли меня», «сделай мне», «мне так удобнее». «Передовики производства», как именует стаханевцев большевистская печать, со временем стали выразителями социальной регресса. Недаром «Комсомольская Правда» сознается, что слишком много думает такой молодой человек о своем личном благополучии, слишком мало — о товарищах, о всем заводе, о всей стране. Но лозунги о веселой, зажиточной жизни породили не только эгоцентричных стахановцев, но и другое грозное явление: социальную дифференциацию. Вот уже 4 года как в России появились 2 сорта людей, знатные люди, отличники, передовики и масса простых и незаметных людей. Эта дифференциация коснулась всех сторон советской жизни. Даже дети чувствуют ее. В статье «Дворец и дети» («Комсомольская Правда» от 26 апреля) рассказы допускаются только отличники, а остальная детвора остается на улице. «Дворец пионеров» в Ленинграде прекрасен», — так начинается статья. «Много прекрасного услышали и увидели дети в своем дворце. Весело и многогранно живет детский дворец и не мало заслуженных похвал посвятили ему наши журналисты и писатели». Кто же посетители этого дворца? Пред'явив пропуск, проходят через ворота отличники, держа под мышкой скрипичные футляры и папки с надписью: «мюзик». Остальная же детвора, стоя у входа в дворец, провожает своих сверстников замечаниями: «Эй, вы, отличники, зубрилы-гориллы». Отчаявшись попасть в прекрасный дворец, дети отправляются на «Бродвей», т. е. на Невский проспект, где они хулиганят, играют в орлянку и т. д.

Рост детского хулиганства, — как и взрослого, впрочем, — это явление, говорящее не только о наличии социального застоя. Не только неудовлетворенные потребности и скука заставляют детей и юношей озорничать и хулиганить. Часто в озорстве сказывается и протест и резкое недовольство против тех или иных форм жизни. Да и сама «Комсомольская Правда» понимает, что поощрение наиболее успевающих культотличников вызывает у многих детей недовольство, которое «затем переходит в озорство, хулиганство, как форму протеста против этого».

Протест детей носит сравнительно невинный характер, Детская среда непосредственнее и искреннее протестует против порядка, при котором имеются граждане двух сортов. Сложнее и противоречивее чувства у

истины, но ни одна из них не охватывает проблемы в целом, — замечает тов Росси. Он лично отказывается прибавить к имеющимся уже определениям новую «карманную формулу», которую можно было бы извлекать из кармана и применять во всех случаях жизни. Ибо для Росси «определить фашизм, значит прежде всего написать его историю». Ибо есть несколько фашизмов, из которых каждый выявляет многообразные тенденции, часто взаимно противоречивые, и может еще эволюционировать до такой степени, что меняются его основные черты. Определить фашизм — это значит изобразить его эволюцию, это значит зафиксировать для данной страны и для данной эпохи его «удельное значение». Ибо «фашизм есть результат определенной ситуации, от которой его нельзя отделить». «И в этом смысле ошибки рабочих партий так же входят в «дефиницию» фашизма, как его использование имущими классами»..

Этим ошибкам рабочих партий, т. е. тактике социалистов в коммунистов Росси отводит в своей книге чрезвычайно много места.

***

Деятельность рабочих партий не протекает в социально-безвоздушном пространстве. Каждый шаг их отражается и преломляется не только в рабочих массах, к которым они аппелируют и среди которых они действуют, но и массах других классов населения. Особенное значение с этой точки зрения имеют так наз. «средние классы», играющие в эпоху после войны во всех государствах чрезвычайно крупную, а в некоторых случаях и решающую роль. Но социально-общественные отношения в Италии были глубоко потрясены и, так сказать, «выбиты из колеи» в результате войны. Буржуазия привыкла работать за время войны на основе искусственной кон'юнктуры и чудовищных прибылей. Между тем инфляция и экономический кризис страшно повысили цены, и дороговизна жизни заставляла рабочие массы, уровень жизни которых непрерывно падал, прибегать все чаще и чаще к забастовкам. Нося в начале чисто экономический характер, забастовки эти под влиянием русской революции и общего брожения, — того специфического психологического «климата», который возник в первые послевоенные годы, — все чаще принимает характер политический. Рабочие организации и в частности профессиональные союзы чудовищно разбухают: сотни тысяч и даже миллионы рабочих взрывают рамки существующих организаций, которые оказываются неспособными ассимилировать, организовать и воспитать прочные кадры. Средние классы, в которые надо включить, не столько по социальному, сколько по психологическому признаку, и мелкую буржуазию, и крестьянство, и безработную интеллигенцию, и деклассированных рабочих, и люмпен-пролетариев, и значительную часть служащих и чиновников, — все эти промежуточные классы послевоенного времени переживают особенно глубокое потрясение и пребывают в состоянии особенно острого брожения. Они в первый момент кинулись было к пролетариату, поддерживая

молодежи. Не все третье поколение состоит из стахановцев. Большинство его — именно граждане второго сорта, скромные, безвестные советские обыватели. Они имеют свои запросы, свои требования. Противоречивая советская действительность, где рядом уживаются социальная дифференциация и ежедневныя утверждения о построенном социализме, не могут не вызывать и противорѐчивых настроений у молодежи. Для многих, быть может, идеал: стать стахановцем, перестать быть второразрядным человеком, выдвинуться. Десяткам и сотням молодых людей это удается. Они попадают сейчас в советский, партийный аппарат, заменяя во множестве выбывающих из него старших своих товарищей: обновление советско-партийного аппарата происходит за счет сверстников Октября. Но что делать варищей: обновление советско-партийного аппарата происходит за счет сверстников Октября. Но что делать массам? Они вступают в резкое столкновение с выдвинувшимся старшим поколением. Слишком разны эти два поколения по воспитанию, по навыкам работы, по своим устремлениям. Строители и усвоители — они резко друг друга противостоят в повседневной жизни. Политическое значение в стране «строителей» уменьшается. Люди первых пятилеток сходят с политической сцены, уступая место новым сталинским питомцам. С чем приходят эти питомцы в аппарат?

Старые авторитеты, большевистская гвардия и герои гражданской войны и эпохи пятилеток ликвидированы. А всесокрушающая чистка совсем недавно коснулась и Красной Армии. Любимые, известные всей стране имена заплеваны. Создатели, деятели большевистской партии и советской власти, еще так недавно владевшие умами молодежи, превращены в «врагов народа». Частота и безпрерывность «процессов», которые захватывают все более широкие круги руководителей старшего поколения, должны вызвать у молодежи тревогу за судьбы своей страны, за судьбы революции. Молодежь, посланная в аппарат год тому назад, не порвавшая еще окончательно связи со своими сверстниками, в какой-то мере отражает тревогу широких слоев. За праздной шумихой, сопровождающей выборы в советы, трудно скрыть все более обнаруживающиеся признаки тяжелого кризиса. Отсутствие политической подготовки мешает молодежи поставить во всей остроте вопрос: куда идет Россия? Все больше рушится связь поколений, все больше противоречий выступает наружу.

К противоречиям бытовым, социальным, психологическим между поколениями даже в самой молодежи присоединяется и идеологическое расхождение.

Вопросы о характере советского государства стали задаваться молодежью на страницах «Комсомольской Правды» все чаще и чаще. Газета, разумеется, отвечает так, что не пробуждению политической мысли способствуют ее ответы, а усыплению. Для широких слоев молодежи советские будни открывают наиболее легкую дорогу — уход в личную жизнь. Непримиримые противоречия и невозможность найти на них ответа как бы заморозили молодежь. Единственная социальная искра, тлеющая в ней — это дух патриотизма. Но в последнее время стал просыпаться и политический интерес у отдельных представителей этой молодежи.

Страна находится в политическом тупике, в который завел ее Сталин. Сама эта вечная чистка аппарата свидетельствует о борьбе с какими-то скрытыми полит. тенденциями. Разочарованные результатами генеральной линии, люди, пришедшие в аппарат в этот период, пытались дать выход своим настроениям не в активной оппозиционной деятельности, а в критике советской действительности. Сталин пытается заменить их молодежью. Но и ей уже сделано предупреждение, что она останется в аппарате только до тех пор, пока всецело будет выполнять сталинские заветы.

Тяжелой дорогой, путем не «содружества», а глухой борьбы поколений идет советская молодежь. Чем скорее освободится ее политическая мысль, тем больше шансов предотвратить гибель революции.

его революционные лозунги и революционные выступления, знаменовавшие для них начало какой-то новой, заманчивой эры развития. Но очень быстро, в частности благодаря ошибкам рабочих партий, наступает перелом и реакция. Интеллигенция, а за ней и масса мелкой буржуазии начинает искать спасения не в социальной революции, а в национализме, который сулит «место под солнцем» для новой, более сильной, более великой Италии. Этот крайний национализм, который был доведен до белого каления агитацией д'Анунцио, занятием Фиуме и т. д., сочетается у итальянской интеллигенции, благодаря специфическим национальным традициям, с крайним, полу-анархическим индивидуализмом. Звучит парадоксально, но диалектически вполне об'яснимо, что Муссолини пришел к победе фашизма, олицетворяющего собою государственно-диктаторскую власть в ее высочайшей потенции, на волнах идеологии, построенной в своих истоках на анархическом индивидуализме и отрицании государства. Росси приводит манифест Муссолини, кончающийся восхвалением Анархии, напечатанной в подлиннике прописными буквами (как тут не вспомнит, что ведь и большевизм, в своей государственной технике совершенно схожий с фашизмом, начался со свободной федерации «свободных советов», являющихся отрицанiем современного государства, и с знаменитой «кухарки», которая-де будет сама управлять государством **Р. А.**).

Первыми были вовлечены в орбиту фашизма средние классы городов. Еще в июле 1919 г. Муссолини писал, что фашизм никогда не сможет распространиться за пределами города. На самом деле, фашизм обязан своей победе притоку сельских элементов, который начался с 1921 года. Сыновья крестьян, мелких помещиков, офицеры, студенты, служащие не хотели больше оставаться «первыми в деревне»: они решили завоевать города. Отсутствие аграрной реформы не только в Италiи, но и в Германии, и в Испании сильно содействовало росту фашистской опасности. С другой стороны, чрезвычайно сильное развитие сельской кооперации и профсоюзов батраков вызвало резкую реакцию со стороны крестьян и землевладельцев, стонавших под «игом тирании» этих организаций, властно определявших зарплату и условия работы на обширных территориях (долина По и т. п.).

Движение средних классов сомкнулось с походом капиталистических сил против рабочих. И именно эта смычка между фашизированными средними классами и политическим и экономическим наступлением имущих классов дало победу фашизму.

Росси начисто отрицает даже условно-революционный характер фашизма. Фашизм, по его мнению, с самого начала является чисто-реакционным движением. Но от классической чистой реакции старого времени он отличается своими методами массовой пропаганды, своим умением перенести борьбу на почву массовой стратегии и вооруженной демагогии. Одним из основных и характернейших элементов фашизма, в отличие от классической реакции, является, по мнению Росси, его военная организа-

В. АЛЕКСАНДРОВА.

Проблемы культурного наследства

Акции «родины» и исторического прошлого «нашего великого народа» все растут. Вслед за новым учебником истории сейчас широко обсуждается вопрос о новом учебнике по истории литературы. Все до сих пор изданные «стабильные» руководства по литературе признаны никуда негодными: они не только не воспитывают в учащихся любовь к художественному слову, но, наоборот, оказывают «вредное, антихудожественное влияние». За составление нового учебника взялся сам *А. Толстой,* организовав для его писания бригаду из писателей и публицистов. Новый учебник по мысли Толстого, одобренной всей официальной общественностью, должен быть прежде всего «безусловно свободен от каких бы то ни было пережитков *вульгарной социологии* (таков псевдоним для выражения ненависти к официальному коммунизму, получившей сейчас право гражданства); красной нитью в учебнике должна проходить «идея культурно-исторической преемственности от древних времен до наших дней».

Разговоры вокруг нового пособия по литературе являются заключительным аккордом в некогда бурно кипевшей дискуссии об освоении *культурного наследства,* возникшей еще во времена нэпа в связи с лозунгом «учебы у классиков». Чтобы понять существо последних сдвигов, происходящих сейчас в советском обществе, необходимо вернуться к началу этой знаменательной дискуссии.

По самой своей природе проблема освоения культурного наследства — *пореволюционна;* она — предвестница и спутница завершительного периода революции, она возникает тогда, когда революция от разрушения сил, препятствовавших дальнейшему общественному развитию, переходит к налаживанию новой жизни, когда молодое, общество начинает обживать свой новый дом. Так именно эта проблема и была воспринята нэповским обществом; оно скептически относилось к кратковременности «передышки», оно верило и мечтало, что «передышка» будет «в серьез и надолго». Вот почему оно с жаром приступило к дискуссии о культурном наследстве. Но освоение культурного наследства, пробудив с самого начала большие страсти, тут же уперлось в один вопрос: *кто является правомочным наследником* старого культурного богатства?

Это заострение проблемы на вопросе о «наследнике» нечаянно позволило довольно глубоко заглянуть в структуру начавшего формироваться общества. Оказалось, что это общество состоит из двух, взаимно отталкивавшихся больших группировок. Одна ее часть состояла из массы активных участников революции, это были дети земской, разночинной России. Акушеркой этой молодежи плебейской страны в ходе революции стала коммунистическая партия. Пользуясь тем, что младенец еще не говорит, она заговорила за него, заявив, что он и есть победивший пролетариат. Впрочем, роль компартии в ее взаимоотношениях с плебейской Россией правильнее сравнить с ролью курицы, высиживавшей утиные яйца. Когда «цыплята» вылупились, их потянуло к воде, курица же, обернувшись Пришибеевым, закудахтала о необходимости «сугубой бдительности».

Не менее сложно обстояло дело и во втором лагере. Здесь собрались остатки прежних господствовавших классов и групп — буржуазия, чиновничество, осколки дворянской и большая часть старшего поколе-

---

ция: *без военной организации нет фашизма.* Это не значит, что фашизм побеждает в открытом военном столкновении; ни в Италии, ни в Германии это не имело места. И тут, и там фашизм пришел к власти *без борьбы,* благодаря добровольной капитуляции государства перед фашистской организацией. Но историческая функция фашистской вооруженной силы заключается в ее *морально-политическом воздействии:* она терроризирует население, она разбивает, измочаливает и сокрушает силы рабочих партий, она терроризирует лагерь противников, она заставляет их морально капитулировать перед своим насилием. Когда итальянские социалисты, столь мощные и влиятельные в этот момент, на первое открытое террористическое выступление фашистских дружин, сжегших Народный Дом в Турине, ответили блестяще удавшейся, но чисто-политической мирной демонстрацией, и виновники зверского нападения остались фактически безнаказанными, — то Муссолини торжествующе писал, что это означает новую страницу в истории, что социалисты побеждены, ибо не имеют силы дать бой на той почве, на которой вопрос только и может быть разрешен.

По существу Росси с этим положением Муссолини согласен. Муссолини победил потому, что социалисты оказались неспособными ни политически изолировать фашизм, ни дать ему открытый бой на тех путях, на которых только и можно было его раздавить, принимая во внимание пособничество со стороны органов государства.

Муссолини категорически отрицает выдвигаемый нынешним фашизмом и многими буржуазными историками тезис, будто фашизм «спас Италию от большевизма». Не потому пролетарская революция («большевизм») оказался разбитым в Италии, что фашизм его победил, а потому фашизм смог победить, что еще до этого пролетарская революция погибла, благодаря своей собственной внутренней неспособности и неподготовленности. Фашизм не был *превентивной* контр-революцией капиталистических классов, которые искали в фашизме спасения от победоносной и грозившей им гибелью пролетарской революции. Наоборот, фашизм явился как бы *посмертной* контр-революцией, возникшей на могиле потерпевшего внутреннее поражение и самого себя ликвидировавшего пролетарского движения. И даже знаменитые «захваты фабрик», которые, как показывает Росси, вовсе не были попыткой действительно социализировать фабрики, а явились лишь вынужденным результатом чрезмерно затянувшихся забастовок, не сыграли сколько-нибудь решающей роли в борьбе между пролетарской революцией и фашизмом. Ведь Муссолини в этот момент не только не протестовал против захвата фабрик, а заявлял о своей полной солидарности с рабочими и их требованиями. Он торжественно заявил в своей газете, что фашисты не имеют никакого намерения напасть на занятые фабрики, и самолично отправился к Буоцци, секретарю союза металлистов, чтобы заявить ему, что он будет продолжать поддерживать движение (стр. 65).

ния дореволюционной буржуазной интеллигенции. Сюда же устремилась та мелкобуржуазная пыль города и деревни, которая мечтала выйти в люди уже испробованными в истории тропинками — через личную предприимчивость и инициативу. Эта пыль, спрессованная в горниле революции преследованиями, бесправием, лишениями, и дала рождение новой прослойке «советской буржуазии», с многими чертами настоящих хищников — изворотливостью, агрессивностью и умением приспособляться к обстоятельствам.

Профиль беспартийной демократической интеллигенции, частью примыкавшей к этому лагерю, был менее отчетлив. По своим навыкам и социальной природе она могла и хотела при известных условиях стать союзницей революции. Расстановку сил в молодом обществе диктовала ему важную и прогрессивную задачу: создание блока молодой революционной страны с беспартийной демократической интеллигенцией. В области литературной критики страстным поборником такого блока выступил Воронский, поддержанный Троцким: «Республика наша есть союз рабочих, крестьян и мелкобуржуазной по происхождению интеллигенции, — писал Троцкий в «Литературе и революции»— из этого социального сочетания при условии под'ема техники и культуры, должно через ряд этапов развиться коммунистическое общество». Троцкий отдавал себе отчет в том, что пути крестьянства и интеллигенции будут в этом развити иными, нежели пути пролетариата. Но он не боялся этого и считал, что поскольку художник, подходящий к жизни под крестьянским углом зрения, «проникнут мыслью о необходимости и жизненности союза рабочих и крестьян, его творчество исторически-прогрессивно». Но Троцкий не ограничился этим и пошел еще дальше: он считал, что революция, «умевшая, когда это было нужно, разрушать мосты и памятники искусства», имеет право «наложить свою руку на любое течение искусства, которое... грозит внесением разложения в революционную среду». Таким течением он, вслед за большинством тогдашнего Цека компартии, считал «Левый фронт искусства» («Леф»), оспаривавший «сотрудничество классов» в рамках нэпа и резко выступивший против «классиков». Так как Троцкий с Воронским выражали тогда мнение верхов компартии, «Леф», вместе с пролетарской «Кузницей» и стали первыми об'ектами нападок официальной критики.

Но от морально-политической расправы с левыми элементами в литературе дело осуществления блока революционной молодежи с демократической интеллигенцией не подвинулось ни на волос вперед. И не подвинулось оно вперед потому, что это вовсе не входило в действительные намерения идеологов диктатуры. Создание такого блока неминуемо привело бы тогда к ослаблению удельного веса аппарата диктатуры внутри общества. Вот почему, теоретически признавая пользу блока и даже поощрительно похлопывая по плечу иного «попутчика», официальная критика на практике делала все, чтобы воспрепятствовать упрочению этого блока, разжигая и углубляя рознь между беспартийной интеллигенцией и революционно-настроенной писательской молодежью.

Это особенно ярко проявилось в столь невинном, казалось, вопросе, как «учеба у классиков». «Учеба у классиков» влекла за собой усиление влияния дореволюционной демократической интеллигенции. Ведь в те годы она одна на практике владела «культурным наследством». Смиренно продавая за хлеб насущный последний скарб на рынке, интеллигент жил с чувством мученика из времен преследования первых христиан. Он страстно мечтал о «своем часе». Но именно этого «часа» смутно боялась революционная молодежь, общественно и культурно беспомощная и не остывшая еще от гражданской войны: для нее демократический интеллигент дореволюционной школы был воплощением старого общества. В режиме демократии такая отчужденность социально между собой близких конкуррентов

**\
*

Росси не устает повторять, что по существу пролетарское движение не было сломлено фашизмом, а погибло благодаря своей внутренней слабости и неспособности.

Атмосфера общего возбуждения в первую эпоху после войны, влияние революции в других странах, социальные потрясения — все это проявилось в гигантском росте рабочих организаций и социалистических партий. На ноябрьских выборах 1919 года социалисты собрали 1.840.000 голосов, т. е. 32% всех голосов. Со своими 156 депутатами они были самой сильной фракцией парламента. Но их влияние в стране было еще гораздо больше, чем это проявляется в приведенных цифрах: популярность социализма в массах была поистине огромной.

Однако, итальянский социализм с самого начала оказался в историческом тупике. «Три пути — пишет Росси — открывались перед итальянскими социалистами; — покинуть парламент и подготовить «прямое действие» (т. е. восстание Р. А.) в стране; остаться в парламенте и параллельно организовать в стране «вторую власть», которая была бы в состоянии стать на место парламента; образовать в парламенте и в стране коалицию с другими силами, необходимую для завершения демократической революции. Но социалистическая партия, равно неспособная ни к открытому выступлению, ни к политическому маневру крупного размаха, в течение трех лет топталась на одном месте, пока фашизм без него и против него не разрубил узла власти».

В соц. партии Италии в тот период господствовали максималисты, слепо и некритически обожествлявшие русский большевизм, слепо и некритически перенимавшие всю его идеологию, всю его тактику, все его лозунги. В Италии в 1919 году необычайной популярностью пользуется лозунг Учредительного Собрания. Профессиональные с'езды, конгрессы участников войны, демобилизованные солдаты на улицах, рабочие на фабриках, — все только и говорят что об Учредительном Собрании. Создается настоящая «мистика» Конституанты. В эти лихорадочные месяцы в лозунге Учр. Собр. концентрируется и все глубокое возмущение масс страданиями и ужасами, испытанными во время войны, и все их стихийные стремления и экзальтированные надежды на какое-то новое и лучшее будущее. «Каждый вкладывает в это слово тот смысл, который ему хочется». Если бы итальянские социалисты — говорит Росси — имели хоть каплю революционного темперамента и революционного смысла, они сделали бы этот лозунг своим, они превратили бы этот лозунг в точку опоры для демократической революции. Ибо 1919 год был, говоря исторически, «годом итальянской революции», годом борьбы за хлеб, землю и свободу. Но максималисты знали, что в России «Учредилка» была разогнана, и что для «настоящей» революции нужны «Советы». Как люди, лишенные революционного чутья и по-обезьяньи копирующие чужие образцы, они прошли мимо тех революционных возможностей, которые давались итальянской действительностью. В погоне за Советами а ля Ленин, они про-

была бы преодолена довольно скоро. Иначе обстояло дело в советском обществе. Оффициальная критика только тем и занималась, что подливала масла в огонь, на всех перекрестках разоблачая имманентную интеллигенции «буржуазность», отцеживая из произведений «попутчиков» мелкобуржуазных комаров. Вслед за Троцким ополчившись на «Леф», основное ядро которого во главе с Маяковским при всей своей угловатости было проникнуто подлинно-революционными настроениями и творческими идеями, эта критика всю свою нежность перенесла на молодую писательскую поросль, приехавшую из провинции. Эта поросль и занялась романтикой бесшабашного разрушения «мещанской России» и прославлением организующего влияния компартии. У нее были свои несомненные таланты — достаточно назвать лишь Олешу, Сельвинского, Славина, Павленко, Вал. Катаева. Но талантливость не искупала их политической беспринципности. В отличие от писателей первого революционного призыва (группа сибирских писателей), «южно-русская школа» пришла в революцию налегке, не отягощенная ни связями с трудовыми массами, ни действительными симпатиями к ним. В порядке мимикрии они примкнули даже к «Лефу»; потом, когда звезда «Лефа» стала клониться к упадку, они перешли к «пролетарским писателям», оттеснив своим бесшабашным радикализмом писателей из рабочих. Опираясь на них, оффициальной критике и удалось разбить блок между революционной общественностью и беспартийной интеллигенцией.

Взрыв исторически намечавшегося блока совпал с глубоким кризисом нэпа и первой пятилеткой. Под обломками нэпа на долгие годы похоронена была и проблема освоения культурного наследства. Плуг революции во второй раз принялся за вспашку российских полей...

Проблема культурного наследства в силу внутренних противоречий среди действующих общественных сил осталась неразрешенной, неосуществленным остался блок и беспартийной интеллигенции с революцией. Но оба вопроса — как все органическое — не могли быть выкинуты из жизни; оттесненные, они продолжали жить в недрах общества, приспособлясь, ища новые формы для своего выражения.

Но практическая работа, которая была проделана нэповским обществом по освоению культурного наследства, по своим размерам гораздо шире, чем принято думать. Первые массовые издания классиков, интересные исследования исторического прошлого с попыткой поднять из этого прошлого затонувший там мещанский Китеж-град, выяснить зарождение и развитие русского 3-го сословия, блестящие работы Переверзева и его учеников в области марксистской критики, большая краеведческая работа, начатая в самых удаленных медвежьих углах страны,

зевали те действительные «Советы», которые были на лицо в Италии. Мистике Учредительного Собрания, стихийно выпиравшей из всех пор итальянской жизни, социалистическая партия решила противопоставить импортированную из России искусственную «мистику Советов». Максималистическая фракция принимает в августе манифест, высказывающийся за «немедленную социальную революцию без всяких переходных стадий». «Осуществление социалистического общества, — говорится в манифесте, — не может быть проведено ни путем декрета, ни через парламент, ни решением Учредительного Собрания. Не может быть речи также и о смешанных формах сотрудничества между парламентом и Советами Рабочих. Напротив того, надо толкать пролетариат к насильственному завоеванию власти политической и экономической, что должно быть целиком и исключительно делом Советов Рабочих и Крестьян, обладающих одновременно и функциями законодательными и функциями исполнительными». В октябре 1919 года максималисты, располагающие большинством на болонском с'езде партии, ликвидируют старую программу партии, отменяют все то, что там говорилось о парламентской работе, заявляя, что эти органы должны служить только «платформой для пропаганды», и одновременно прокламируют «диктатуру пролетариата» на основе насильственного захвата власти.

Это решение Болонского с'езда, осуждающее на бесплодную демагогию не только 156 депутатов парлаемнта, но и 2.800 муниципалитетов и коммун, имеющих социалистическое большинство, расматривается в Москве в Коминтерне, как крупный успех. Однако, в конце октября Ленин в письме к Серрати предостерегает итальянцев от преждевременной попытки революции, заявляя, что «второй Венгрии ему не надо». Так, социалистическая партия фактически обречена на бесплодное топтание на месте. Но и правые социалисты, т. н. реформисты, оказались не в большой степени реальными политиками, чем максималисты. Доктринерам слева противостояли доктринеры справа. Если левое крыло не располагало вождями крупного калибра, или имело во главе людей, не располагавших в достаточной степени чувством ответственности, то несчастье правых вождей, даже таких, как Турати, Тревес, Матеотти, заключалось в том, что они, наоборот, обладали чрезмерным развитием чувства ответственности и совестливости. Левые не считали нужным серьезно заниматься законодательными реформами, правительственными комбинациями, коалицией и т. п. в момент, когда по их мнению вот-вот должна была разразиться социальная революция. Правые-же чувствовали себя в партии в меньшинстве, и зная, что массы идут за левыми, не считали себя вправе сами входить в правительственные комбинации. «Войти в правительство необходимо, но сделать этого нельзя», — говаривал Турати. Помимо того, они, как тот-же Турати, считали, что не надо снимать с буржуазии ответственности за те преступления, которые она совершила во время войны: «пусть буржуазия сама расхлебывает ту кашу, которую она заварила». Единственным шансом спасения для итальянского социализма был наи-

— все это было ведь осуществлено нэповским обществом. И ведь люди работали тогда без поощрения сверху, часто вопреки неодобрительным взорам начальства.

В культурной работе периода нэпа был,однако большой недостаток: люди уходили в культурную работу, ища забвения от неприглядной и сложной политической жизни, требовавшей борьбы не на жизнь, а на смерть. «Политика» мстила за себя, врываясь в самые тихие и заброшенные уголки культурной работы. Живым свидетельством такого вторжения является судьба сельского учителя А. Топорова, за 8-летнюю самотверженную работу с крестьянами по освоению дореволюционной и революционной литературы снятого с работы и разоблаченного в качестве от'явленного «реакционера». (См. книгу Топорова «Крестьяне о литературе»)...

Освоение «культурного наследства» на новом этапе протекает в существенно изменившейся обстановке. Широкие слои трудового населения разочарованы в итогах революции; этой разочарованностью пользуются те элементы на верхах общества, которые жаждут прочного порядка. В «бесклассовом обществе» наследником об'явлен весь «народ», от имени которого говорят сейчас претенденты на «наследство», жаждущие упорядочения своей жизни. Лучшие элементы нэповского общества мечтали о «демократическом завершении» революции и своих предков они искали в истории русского 3-го сословия, героизируя плебейское прошлое. Идеологи этого завершения давно ошельмованы, а частью расстреляны, практики-культурники годами гниют в изоляторах и в ссылке. Новые претенденты на культурное наследство, хотя и вышли в массе своей из плебейских недр, но социальная устремленность у них уже совсем иная. И, обращаясь к прошлому, они, конечно, почтительно вспоминают Радищева и Герцена, Белинского и Чернышевского, но в этой почтительности очень много оффициальной холодности и внутреннего безразличия, а в отношения эпохи «Народной Воли» уже даже и плохо скрытой враждебности. Но зато с возрастающей горячностью они начинают говорить о прошлом «великого Российского государства», о славе «русского оружия», о славных воителях и строителях старой России.

Под этим углом зрения пересматривается сейчас и история литературы. Вот почему уже сейчас сугубо рекомендуется подчеркивать в учебниках литературы «культурно-историческую преемственность от древних времен до наших дней»: созерцание столь пышного геральдического дерева будет воспитывать в учащихся «благородную упрямку». Пожалуй, вскоре, как в старых школах, учащиеся будут зубрить все «моления» и «послания» и, увы, так же как в прежнее время — торопливой скороговоркой проходить историю мятежного Аввакума!

В связи с этой переоценкой наследства встал сейчас совсем по иному и вопрос о блоке с интеллигенцией. Это уже другая интеллигенция и блок с нею, осуществляемый под лозунгом «блока коммунистов с беспартийными», имеет уже совсем иное социальное значение, чем тот блок, о котором мечтали Воронские.

Но это тема особая. К ней мы еще вернемся.

скорейший приход к власти. Но прийти к власти путем восстания было невозможно, а парламентский путь они сами себе закрыли. Так был упущен единственный момент, когда социализм мог победить; так драгоценное время растрачивалось на внутреннюю борьбу, усугублявшуюся еще коварством и интригантством коммунистов и вмешательством Москвы. Коммунисты злорадствовали по поводу каждого поражения социалистов, закрывая глаза на успехи фашизма. Ибо ликвидацию социалистической партии они считали необходимым предусловием для победы пролетарской революции, а победа фашизма казалась им только временным и в известной мере даже полезным эпизодом, ибо разрушит в пролетариате «демократические иллюзии». Социалистические-же вожди старались пуще всего сохранить в чистоте свои принципы для будущих поколений и уклониться от ответственности. Они были довольны, когда могли заявить, что «мы тут ни причем», что «мы в этом не принимали участия». Как будто бы главное достоинство политических деятелей заключается в алиби! Но, уподобляя себя диккенсовскому герою, который уверял, что «нет ничего лучше хорошего алиби»; радуясь возможности констатировать перед лицом истории, что «мы в этом не участвовали», — социалисты не подумали, — горько замечает Росси, — что ведь пролетариат может у них спросить: «а почему же вы собственно в этом не участвовали?»

Оставшись без вождей и без реальной политической перспективы, итальянский пролетариат в течение трех лет расстрачивал свои силы и свою энергию в бесплодных вспышках. Стачки следовали за стачками, выступления за выступлениями, и ни одно из этих выступлений не приближало итальянский пролетариат ни на шаг к единственной задаче, которая перед ним стояла: к овладению властью. Бастовали в виде протеста против введения обязательного социального страхованя: зачем нам платить страховые взносы, когда завтра будет социальная революция? Бастовали против введения «летнего времени» (перевод стрелки на час вперед), хотя это не увеличивало рабочего дня: не хотим, чтобы буржуазное государство диктовало нам время для работы!

Бесцельная и бесполезная растрата социальной и революционой энергии пролетарскими массами, доктринерство и неспособность вождей не только помешали итальянскому социализму изолировать фашизм, но, наоборот, помогли фашизму социально и политически изолировать рабочий класс. Из возможного гегемона обще-национальной, демократической революции итальянский социализм превратился в изолированную секту, в критический момент лишенную и политических союзников, и активного сочувствия широких пролетарских масс. Толкнув средние классы и все промежуточные группы в об'ятия Муссолини, чрезвычайно ловко использовавшего ошибки социалистов и напрягавшего в частности все усилия, чтобы помешать сговору между социалистами и буржуазной демократией, итальянский социализм сам обрек себя на гибель и открыл ворота фашизму, победа которого, по мнению Росси, вовсе не была фатально предопределена.

ОТТО БАУЭР

Ф. ДАН.

У могилы единомышленника и друга

Отто Бауэр сошел в могилу так внезапно, его смерть оказалась в таком кричащем противоречии со всеми человеческими предвидениями и ожиданиями, что даже тем, кто наблюдал часы и минуты предсмертного томления великого покойника и кто видел его на смертном одре, даже им все происшедшее кажется до сих пор какой-то трагически-нелепой фантасмагорией, которая вот-вот рассеется, как дым...

Photo «Dorit» Franz Pfemfert, Paris.

Еще труднее принять смерть Бауэра, как подлинную и непоправимую реальность, тем, кому, как мне, было суждено лишь мельком взглянуть в дверях колумбария на заколоченных гроб и через час бросить красную розу в могилу, поглотившую небольшую белую урну с медной дощечкой, на которой было вырезано: Отто Бауэр. Ведь, его последнее письмо я получил в тот самый день, когда его поразил внезапный недуг, так молниеносно сведший его в могилу, и ответил я на это письмо тогда, когда на свете уже не было Отто Бауэра, а был лишь его бездыханный труп!

Мне еще трудно, почти невозможно освоить — не разумом только, а сердцем мысль о том, что Отто Бауэра уже нет в живых, что о нем надо говорить уже не как о сегодняшней могучей силе международного движения, не как о великой надежде будущего этого движения, а как о прошлом, невозвратимом прошлом, которому пора подводить итоги. И эта невозможность по настоящему реализировать в своем сознании и ощущении ужасную потерю, еще укрепляет силу тех внешних обстоятельств, которые мешают мне сейчас же, в настоящем номере «Соц. Вестн.» отозваться на смерть О. Бауэра статьей, которая достаточно почтила бы его память так, как только и можно чтить память пламенных борцов революции и социализма, — попыткой уяснить себе и другим, что в его творении продолжает жить и тогда, когда умер творец, и что поэтому составляет не мертвое, архивное наследство, а подлинный завет его грядущим поколениям, завет, призванный оплодотворять и двигать по новым путям на борьбу за старые цели.

Я постараюсь выполнить эту задачу в следующем номере нашего журнала. Сейчас же я хочу хотя бы этими бегло написанными строками положить цветок на могилу того, кто был для меня не только самым тесным политическим единомышленником и соратником, но и одним из самых близких личных друзей...

Р. АБРАМОВИЧ

Памяти Отто Бауэра

6-го июля на кладбище Пэр Лашез у знаменитой «Стены Коммунаров», у которой покоятся останки французских революционеров, погибших во время Парижской Коммуны 1871 года, была зарыта в землю урна с пеплом Отто Бауэра — одного из самых выдающихся революционеров и социалистов XX-го века.

В Отто Бауэре не было решительно ничего от картинного революционера. Ни широкополой шляпы, ни бросающейся в глаза шевелюры или бородки, ни самоуверенных жестов, ни громового голоса, ни всей той внешней живописности, с которой многие привыкли связывать представление о революционном вожде. Для поверхностного наблюдателя Бауэр был брюнет среднего роста, ничем особенно не выдающийся, с выразительным еврейским лицом и умным, немножко злым взором темных глаза. Всегда незаметно, без претензий, скорее даже мешковато одетый, чрезвычайно скромный, даже слегка аскетический (хотя и без тени педантизма) во всем своем образе жизни, Бауэр на улице или в толпе производил впечатление среднего интеллигента учителя, служащего. Сдержанный и не очень разговорчивый при первой встрече, скупой в своих жестах, избегавший всякой «эффектности», отнюдь не «говорун» в обычном смысле слова, никогда не стремившийся стать центром общего внимания или овладеть общим разговором, деликатный и даже чуть-чуть застенчивый, Бауэр и в обществе на первых порах никого не поражал и ничем не выделялся. Но стоило углубиться с ним в беседу, или услышать его на собрании или заседании для того, чтобы сразу почувствовать, что перед тобой интеллект совершенно исключительного формата, талант крупнейшего размаха. Недаром Карл Каутский после первой своей встречи с молодым Бауэром заявил: «Так я представлял себе молодого Маркса».

В самом деле, Бауэр духовно представлял собой крайне редкое сочетание совершенно выдающихся качеств: крупнейший аналитически-научный ум; редкий дар популяризатора; блестящее публицистическое перо; большой ораторский талант; твердая, настойчивая воля, сочетаемая с умением вести за собой массы и собирать вокруг себя людей; большая гибкость и умение находить компромисс, — и все эти редкие дары в сочетании с темпераментом бойца, с глубокой человечностью, с разносторонностью интересов и чрезвычайно высокой и тонкой культурностью. Нужно-ли удивляться тому, что Бауэр пользовался такой совершенно исключительной, доходившей до обожания любовью и совершенно непререкаемым авторитетом в своей собственной партии? Что он и в мировом рабочем движении, далеко за пределами Социалистического Интернационала в узком смысле слова пользовался огромным влиянием и считался одним из самых авторитетных и уважаемых вождей?

***

Бауэр был бесспорно одним из наиболее выдающихся марксистских теоретиков последнего времени. Он в совершенстве усвоил себе метод марксистского анализа, но он был не *подражателем* великого учителя, рабски копирующим его внешние приемы, а именно *продолжателем*, мастерски постигшим сущность марксизма и суверенно его применявшим к изучению новых областей общественной жизни. В отличие от марксистов старого поколения, видевших свою задачу преимущественно в установлении связи между политическими явлениями и социально-экономическим классовым «базисом», Бауэр и вся австрийская школа, в значительной степени им и представленная, отводят в своих работах много места углубленному исследованию психологических и идейно-психологических процессов, происходящих в различных социальных слоях под влиянием экономического, социального и политического развития. Недаром Бауэр и все его поколение выросли в Вене в тесном общении с той высокообразованной, многонациональной, космополитической, радикально и социалистически настроенной интеллигентской средой, из которой впоследствии вышли психо-аналитическая школа Фрейда и «индивидуальная психология» Альфреда Адлера.

Первая работа Бауэра, сразу выдвинувшая 25-летнего автора в первый ранг социалистических теоретиков и публицистов, была посвящена той центральной проблеме, которой тогдашняя интеллектуальная Вена преимущественно и жила: *проблеме национальной*. Бауэровская книга «Национальный вопрос и социалдемократия» (1907) с непревзойденным до сих пор мастерством вскрывает сложный механизм образования современных наций под влиянием капиталистического развития, процесс возрождения к новой национальной жизни т. н. «неисторических наций», которые, не имея собственного государства и собственных господствующих классов, уже фактически перестали существовать культурно, как нации и казались уже обреченными на поглощение более сильными, более культурными господствующими нациями. Для всего этого крайне сложного и для центральной, восточной и южной Европы чрезвычайно важного комплекса явлений, книга Бауэра сейчас же стала «стандартной». Программные предложения Бауэра по национальному вопросу не содержали в себе ничего нового по сравнению с тем, что до него выдвинули Пернерсторфер, Шпрингер-Реннер, югославская секция австрийской партии. Но аналитически-историческая часть книги написана с таким блеском, с такой глубиной, с таким богатством мысли и знаний, с таким публицистическим темпераментом, что невольно напрашивалось сравнение с историческими работами Маркса.

Диапазон теоретических интересов Бауэра был очень велик: от теоретической экономии, проблемы золота, аграрного вопроса до национального вопроса; от колониальной проблемы, рационализации, теории кризисов до философии. За какую бы тему он ни брался, он повсюду умел создать нечто значительное, стоящее на самом высоком уровне, оставляющее длительный след. Старшее поколение австрийских социалистов еще помнит блестящее выступление молодого Бауэра в открытом диспуте об «австрийской теории ценности» с маститым создателем этой теории проф. Бем-Баверком. Его конспективная работа о «Миропонимании марксизма», написанная им в русском плену почти без книг и пособий, представляет собою одну из интереснейших попыток дать связную концепцию марксистского миросозерцания в целом.

Но чрезвычайно характерным для почвенности и для всего характера научной деятельности Бауэра является то, что, несмотря на отдельные экскурсы в область *чистой теории*, он почти все свои большие работы посвящает тем проблемам, которые в данный период стоят в центре *практической* деятельности социалдемократической партии. В довоенный период, когда само существование австрийской государственности зависело от улажения взаимоотношений между центробежными силами различных национальностей австро-венгерской империи, Бауэр пишет свою уже упомянутую работу о «национальном вопросе». Когда проблемы большевизма и коммунизма стали жизненными вопросами для молодой австрийской республики, вышедшей из Сен-Жерменского договора, Бауэр пишет свою работу «Большевизм и социалдемократия». Стабилизация начала 20-х годов и необходимость теоретически осмыслить австрийскую действительность вызвало появление «Австрийской Революции». Проблемы классовых взаимоотношений и, в особенности проблема средних классов вызывает его работу по аграрному вопросу и комментарии к Линцской программе. Наконец, мировой кризис 1929-30 года приводит Бауэра к проблемам «рационализации» и «послевоенного капитализма», а победа гитлеровского фашизма и крушение австрийской республики порождает его большую последнюю книгу: «Меж двух войн».

***

Говоря о Бауэре, как о теоретике, нельзя отделить его от Бауэра — публициста. И не только потому, что самые серьезные и сложные теоретические работы Бауэра написаны, т. сказать, «публицистически», т. е. не сухим деревянным стилем немецкого «гелертера», а в доступной, темпераментной, пронизанной горячей кровью форме, но и прежде всего потому, что его публицистическая деятельность в газетах, журналах, бесчисленных брошюрах и листовках, составляет прямое продолжение его теоретическо-научной деятельности. Бауэр, как публицист, был несомненно учеником не только Маркса, но и обоих основоположников австрийского социалистического журнализма — Виктора Адлера и Фридриха Аустерлица. В его всегда интересных, всегда серьезных, всегда полных мыслей статьях никогда нельзя было найти ни дешевых журналистских эффектов, ни внешней красивости, ни псевдомарксистской игры «антитезами» путем перестановки определения и подлежащего. Пренебрегая словесной мишурой, Бауэр всегда искренне и честно, со всей возможной ясностью и серьезностью старался изложить свою мысль, честно и быстро схватывая мысль своего противника. И в то

же самое время его статьи были пронизаны такой сдержанной страстью, таким внутренним ритмом, такой четкой убедительностью, что они действовали на читателя сильнее самых эффектных агитационных статей. Его стиль, благородно-простой и в то же время рафинированный, слегка патетический, но в то же время с блестками иронического и несколько горького юмора, был настолько характерен, что его статьи можно было по нескольким абзацам узнавать и без подписи, — хотя все более молодое поколение австрийских социалистов писало «под Бауэра».

***

Как Бауэр писал, так он и говорил. Редкое явление для истинного оратора, — а Бауэр был им: его речи можно было стенографировать и печатать без поправок. Бауэр был оратором и народным трибуном. Он одинаково сильно и захватывающе действовал на слушателей и на заседании Исполкома РСИ в 30 человек, и на гигантском массовом митинге в 20.000. Это был оратор совершенно особого, неповторяемого типа. Без голосовых эффектов, без громовых раскатов, без размашистых жестов, без агитационных приемов, без «народного юмора», — Бауэр в то же самое время был далек от того рода сухих, догматических, «долбящих» ораторов, какие так часто встречаются в Германии или других северных странах. Его ясный, немножко матовый, слегка патетический голос, который иногда принимал язвительный, режущий оттенок, но который никогда не переходил в крик, обладал какими-то захватывающими слушателя модуляциями. Его ясное, кристаллически-четкое построение; богатство мысли и неожиданных параллелей; его редкое умение увлекательно излагать самые сложные мысли, открывать перед слушателями какие-то глубокие перспективы, какие-то манящие дали; глубокий внутренний пафос, который незримо вибрировал во всей его речи, — все это с необычайной силой захватывало аудиторию, приковывало тысячи людей к устам Бауэра. Кто бывал на конгрессах или совещаниях Интернационала, тот знает, что доклады или заключительные слова Бауэра, несмотря на присутствие в зале таких первоклассных ораторов, как Вандервельде, Леон Блюм, Де-Брукер, Поль Фор, Ренодель или Макдональд — всегда были незабываемыми переживаниями, точками наивысшего под'ема всего Конгресса. Это признавали все, не только многочисленные сторонники и поклонники Бауэра, но и не менее многочисленные идейные противники его.

***

Бауэр был не только мозгом австрийской партии, не только ее трибуном и пером, — он был и вождем ее, практическим руководителем и направителем ее политики и тактики. Нужно в высокой степени обладать особым даром воздействия на окружающих, особым умением пленять сердца и подчинять их себе, особым талантом обходить и сглаживать трудности и находить компромисс между противоречивыми тенденциями, для того, чтобы в большой миллионной партии играть подобного рода роль. Бауэр этими качества обладал. Но когда мы от Бауэра, партийного лидера, переходим к Бауэру — политическому вождю и тактику, то мы наталкиваемся на примечательное явление: в истории австрийской партии и послевоенного Интернационала осталось не мало теоретических идей и положений, связанных с именем Бауэра. Но когда речь доходит до формулировки тактических задач и лозунгов, то они обычно ассоциируются с другими именами. Бауэр-теоретик и аналитик, Бауэр-изыскатель и историк, формулирующий тенденции развития, оказывается сильнее Бауэра-политика и тактика, указывающего пути для выхода из создавшегося положения.

Это сказалось, в частности, на его отношении к русской революции и ее проблемам, пристальному изучению которых Бауэр, знавший в числе прочих многих языков и русский, посвящал за последние 20 лет чрезвычайно много времени и труда

Читатели нашего журнала знают, какие серьезные разногласия отделяли пишущего эти строки, да и всю нашу Партию, в русском вопросе от Бауэра. И не для того, чтобы над свежей могилой Бауэра «отмежеваться» от него в этом вопросе я здесь об этом упоминаю. Но Бауэр был слишком крупный человек, чтобы в статьях, посвященных его памяти, надо было довольствоваться похоронными славословиями. И русская революция, ее притяжение и отталкивание сыграли огромную, быть может, решающую роль в идейно-политической эволюции Бауэра в послевоенные десятилетия.

Он не только умом понимал, но и всем существом своим ощущал гигантское, мировое значение революции в этой гигантской стране, которую он из'ездил от Волыни до Монголии, которую он всем сердцем старался понять во время своего трехлетнего томления в русском плену, во время своего кратковременного пребывания в Петрограде, в самый разгар февральской революции. Совершенно чуждый «европейского» мещанства и чванства, Бауэр всей душой прилепился к русской революции и русскому рабочему движению, в особенности к наиболее близкой ему идейно русской революционной социалдемократии, олицетворением которой для него являлся Мартов. За исключением короткого периода увлечения Лениным в медовый месяц большевизма в 1919-20 гг., Бауэр, начиная с 1917 г. и до, примерно, 1929 г., стоит в русском вопросе с небольшими отклонениями на позиции «мартовской», как о том особенно ярко свидетельствует его приветствие к 100 номеру «Соц. Вестника».

Но после июльских событий в 1927 году начинает катиться под гору Красная Вена: предельные грани буржуазной демократии начинают проступать все явственнее, все брутальнее. В 1929-30 гг. начинает давать опасные трещины все здание послевоенной капиталистической стабилизации. На сентябрьских выборах в Рейхстаг 1930 г. происходит «социальный обвал» в Германии, сигнализировавший на политическом сейсмографе смертельную близость победы гитлеровского фашизма, а следовательно и конец Веймара и Красной Вены. А в это самое время в России все казавшиеся столь марксистски и солидно обоснованными прогнозы победы нэповского бонапартизма разлетаются, как карточные домики перед фактом нового взлета русской революции, перед лицом победоносного проведения невиданной еще в мировой истории гигантской индустриализации и коллективизации силами «пролетарской диктатуры».

Кризис, застой, упадок и самопожирание демократии в странах капитализма; кровавый, но прогресс, движение вперед, пролетарская власть — в стране Советов. Это противопоставление, конечно, в неизмеримо более утонченной и сложной форме, чем здесь намечено, начинает владеть душей Бауэра. Сталин становится для него всемирно-исторической фигурой. Советская страна — страной строющегося в муках и крови (сколько мук и сколько крови, — это Бауэр отлично знал и понимал), но социализма. Революционное движение в Германии и Австрии, без которого нельзя свергнуть иго фашизма, мобилизация всех сил мирового пролетариата в грядущей оборонительной войне против фа-

шизма, борьбе пролетариата за ликвидацию будущей войны в интересах пролетарского господства, — все эти мировые проблемы не могут быть, по мнению Бауэра, разрешены без «визии», без «видения» социализма. Но такое «видение» может быть создано только в Советской России, как бы далека она сейчас еще ни была от этого состояния.

Вот приблизительно и, повторяю, в очень упрощенной форме, ход мыслей Бауэра, его глубокое убеждение, выстраданное им в погребах муниципальных домов Красной Вены во время обстрела пушками Дольфуса, за горькие годы эмиграции в Чехии, под влиянием горестного разочарования в силах «демократии» и революционного возмущения против трагически-безысходного положения рабочего класса в странах фашизма.

Было бы действительным оскорблением для памяти Бауэра, в котором каждый из нас чтил не только товарища, но и учителя, предполагать, что этот крупный ум, что этот блестящий интеллект, на лету схватывавший чужую мысль, не знал или не понимал тех контраргументов, которые могут ему быть противопоставлены. Но «бытие определяет сознание» даже таких выдающихся людей, как Бауэр. Его «бытие», и, в частности, именно его добродетели, — его беззаветная преданность рабочему классу, о чувстве ответственности перед которым он так трогательно говорил на Венском конгрессе 1930 г., его революционная ненависть к капиталистическому миру и фашистскому гнету, его вера в конечное торжество социализма определили ту его позицию в русском вопросе, которая нам кажется столь ошибочной.

Мы всегда верили и были убеждены, что Бауэр при дальнейшем развитии всех тенденций сталинской диктатуры придет, в конце концов, к пониманию истинного лика сталинизма. Нелепо-бессмысленная смерть оборвала работу того чудесного мыслительного аппарата, каким являлся мозг нашего покойного друга.

Какая невозместимая, невознаградимая потеря для рабочего класса, для дела мирового социализма. Нет в Р. С. И. второго Бауэра, нет ему преемника, который мог бы выполнить ту историческую миссию, которая ему предстояла в мировом социализме.

Поистине, у счастливого недруги мрут, у несчастного друг умирает.

Соболезнование Заграничной Делегации РСДРП

Немедленно по получении печального известия о внезапной кончине Отто Бауэра, ЗД РСДРП отправила Заграничной Делегации Австрийских Социалистов следующее письмо:

«Дорогие Товарищи!

Известие о внезапной и столь оскорбительно- бессмысленной смерти Вашего вождя и учителя Отто Бауэра нас глубоко потрясла. Ни с одной партией Интернационала нас в течение десятилетий после войны не связывала столь тесная и основанная на взаимном понимании дружба, как с австрийской партией. И ни один из вождей Интернационала не оказал столь длительного и глубокого влияния на духовное развитие нашей партии, как Отто Бауэр.

Поистине невозместимая потеря для международного социализма, что он как раз теперь, в момент, когда мир стоит на пороге исторического поворота, должен был потерять острый и столь глубокий ум, вдумчивое и столь увлекательное слово, тонкое и столь искусное перо, великое и столь горячее сердце такого человека, как Отто Бауэр.

Не только мы, имевшие счастье в течение десятилетий причислять его к своим личным друзьям, не только наша партия, находящаяся в столь трагическом положении и имевшая в Бауэре всегда верного друга и советника, но и весь рабочий класс нашей великой, стоящей накануне великих событий страны, разделяет нашу скорбь и оплакивает вместе с Вами одного из самых великих и заслуженных, самых чистых и искренних передовых борцов за дело пролетариата».

Париж, 4-го июля 1938 г.

Ф. Дан, Р Абрамович.

На это письмо Заграничная Делегация Австрийских Социалистов ответила следующим обращением:

«Дорогие Товарищи!

Строки, которые Вы направили нам по поводу кончины товарища Отто Бауэра, наполнили нас искренней благодарностью за это проявление Вашей солидарности и Вашего уважения к памяти этого великого человека и вождя австрийского рабочего класса.

Выражая Вам свою искреннюю благодарность за Ваше соболезнование, мы хотели бы высказать надежду, что тесная связь, существовавшая до сих пор между Вами и австрийскими социалистами, сохранится и после трагической смерти Отто Бауэра.

С социалистическим приветом
Заграничная Делегация Австрийских Социалистов
Рихтер».

ПАУЛЬ ГЕРЦ.

Результаты эвианской Конференции

На состоявшемся 4-го июля 1938 г. в Париже заседании Комиссии о Политических Заключенных при РСИ, был принят ряд постановлений к предстоящей конференции правительств в Эвиане и избрана делегация из трех товарищей, которая должна была представить этой конференции пожелания РСИ. Тов. Пауль Герц — один из членов этой делегации, — член Ц. К. Герм. С.-Д. Партии, — согласился поделиться с нами своими впечатлениями о конференции.

Правительственная конференция в Эвиане приняла более благоприятный оборот, чем можно было ожидать. Решение этой конференци создать в Лондоне постоянный орган, который вел бы переговоры с Германией об облегчении выезда для желающих покинуть страну, а с другими странами относительно облегчения в'езда немецких эмигрантов, не является, конечно, совершенно удовлетворительным с точки зрения эмигрантов. Но оно создает, однако, возможность для более полного, чем до сих пор исполнения надежд беженцев. Конференция возникла благодаря инициативе президента Рузвельта, который воспользовался проблемой беженства, чтобы сознательно вмешаться в европейский политический кризис. Он заставил более 30 правительств, которые до сих пор взирали на приток немецких беженцев со смешанными чувствами, вплотную заняться вопросом о том, каким образом, при помощи сотрудничества всех стран, можно было бы уменьшить неслыханные страдания сотен тысяч людей и попытаться, таким образом, устранить опасный очаг беспокойства *).

Но Америка задавала тон и на самой конференции.

*) Отметим без комментариев, что в числе стран, отозвавшихся на инициативу Рузвельта, не было СССР. С другой стороны, последний «расовый» манифест итальянской фашистской интеллигенции вызывает опасения, что, может быть, в недалеком будущем надо будет считаться и с вынужденным исходом части евреев и из Италии.

Речь главного американского представителя Тэйлора была проникнута не только глубокой человечностью, но и ясным понимаем тех причин, которые вызывают массовое бегство из Германии. Одновременно в ней были ясно очерчены и те пути, на которых возможно разрешение проблемы. Хотя Тэйлор избегал резких выражений, его нельзя было не понять, когда он говорил о «демпинге», который производится с несчастными человеческими массами, и о необходимости отвечать экономическими репрессиями по адресу стран, которые занимаются этим бесчеловечным демпингом.

Тэйлор говорил о «принудительной эмиграции», которая отличается от других массовых переселений в мировой истории тем, что она искусственно вызвана и насильно создана правительствами некоторых стран. Было бы поэтому естественно, — заявил Тэйлор, — создать организацию для в с е х беженцев, из каких бы стран они ни эмигрировали, и именно это мы должны рассматривать, как свою конечную цель. Но данная Эвианская конференция имеет целью обратить внимание на самую настоятельную проблему, а именно, на проблему политической эмиграции из Германии и Австрии.

Это ограничение задач конференции вызвало неудовлетворенность в тех кругах, которые хотели бы поставить в порядок для также принудительную эмиграцию из Восточной Европы (в частности, еврейских масс из Польши или Румынии). Но некоторой компенсацией за это сужение круга деятельности конференции явилась та широта, с которой Тэйлор определил понятие «политической эмиграции». Он определенно указал на то, чтоо речь идет как о тех лицах, «которые еще не покинули Германии или Австрии, но желают эмигрировать из этих стран по причине своих политических убеждений, своей религии или своего расового происхождения, так и обо всех тех, которыя по указанным причинам уже выехали из Германии». Этой формулировкой были предотвращены все попытки ограничить задачи новой международной организации защитой только одной части эмигрантской массы.

Практически Тэйлор указал, прежде всего, что Соед. Штаты готовы разрешить полное использование иммиграционной квоты для Австрии и Германии, которая охватывает 27.000 человек. Помимо этого, необходимо создать постоянное сотрудничество между соответствующими учреждениями Лиги Нации и Эвианской конференцией, которая должна быть превращена в постоянный орган. Во главе должен быть поставлен небольшой комитет, состоящий из представителей Северной Америки, одного Южно-Американского государства, Англии, Франции и одной из Скандинавских стран. Этот комитет должен заседать в Лондоне и иметь постоянный секретариат, во главе которого должен быть поставлен американец.

Речи представителей других стран иммиграции сильно разнились своей сдержанностью от речи Тэйлора. Но эта сдержанность не должна вызывать пессимистической оценки, ибо в ходе конференции ясно обнаружилось, что в основе сдержанного тона лежит опасение, что черезчур большой предупредительностью по отношению к беженцам можно вызвать слишком большой наплыв эмигрантов и тем создать внутри-политические затруднения в данной стране. Можно надеяться, что эти опасения исчезнут или уменьшатся под влиянием Соед. Штатов и в результате сотрудничества европейских «стран убежища». Совещание РСИ 4-го июля высказало опасения, что готовность заокеанских стран принять эмигрантов будет использована некоторыми европейскими государствами, как предлог для того, чтобы избавиться от тех эмигрантов, которые уже обосновались в Европе. К счастью, это опасение оказалось, насколько можно судить, необоснованным. Создалось своего рода разделение труда между европейскими странами, которые являются в р е м е н н ы м у б е ж и щ е м, и заокеанскими странами, где беженский поток оседает окончательно. Правда, мы отнюдь не убеждены, что емкость промышленных стран Европы для немецкой эмиграции действительно так ограничена, как нас в том уверяли представители этих стран в Эвиане. Но если такие страны, как Англия или Швейцария, которые до сих пор ревниво закрывали свои ворота перед эмигрантами ,ныне из'являют свою готовность, во-первых, принять большее число эмигрантов, удовлетворяющих определенным условиям; затем дать другим, неудовлетворяющим этим условиям, возможность приобрести профессиональные познания и переквалифицироваться; и, сверх того, принять значительное число детей, — то это надо считать уже прогрессом, как бы скромен он ни был. Во всяком случаѣ, надо надеяться, что пример этих двух стран, а также Швеции, которая в еще более положительной форме выразила готовность принять беженцев, благоприятно повлияет на другие страны убежища. Необходимо также отметить и заявление английского правительства, что оно ратифицирует в самый ближайший срок женевскую конвенцию от февраля 1938 г., которая предоставляет эмигрантам, после трехлетнего пребывания в стране, п р а в о н а р а б о т у. Ратификацию этой конвенции обещали также представители Бельгии и Швеции.

Самым слабым пунктом конференции является ее общая позиция по отношению к Германии. Отдельными представителями было произнесено не мало слов, резко осуждающих нарушение Германией всех принципов международного общения. Но из этих отдельных сообщений не было сделано вывоза, не выявилась воля к организации международной акции, которая принудила бы Германию считаться с правами как отдельных индивидуумов, так и государств. Конференция надеялась добиться, при помощи переговоров с Германией, чтобы в дальнейшем эмиграция «нежелательных граждан» происходила не хаотически, а в организованном виде и, кроме того, при лучших финансовых условиях. Само собой разумеется, что если бы этого удалось достичь, то это явилось бы большим успехом. Но надежды на это немного. Ибо гитлеровская Германия преследует евреев не столько из-за расы, сколько из-за их капиталов. Евреи изгоняются из Германии с таким расчетом, чтобы их имущество, которое в общей сумме исчисляется миллиардами, осталось в стране, ибо эти деньги нужны Гитлеру для военных приготовлений. Необоснованный оптимизм может, поэтому, очень легко натолкнуться на непредвиденные трудности.

Решения конференции сформулированы в ряде пунктов, из которых приводим важнейшие.

1. Создается постоянное учреждение, имеющее целью проведение в жизнь инициативы президента Резвельта для разрешения проблемы беженства.
2. Орган этот постарается организовать и регулировать происходящую ныне хаотически эмиграцию людей, убегающих от политических, расовых или религиозных преследований.
3. Должна быть выработана обширная программа для согласования и координирования указанной деятельности нового органа с законами и практикой иммиграции в тех странах, которые могут принять как эмигрантов, уже покинувших свою родину, так и тех, которые еще собираются эмигрировать.
4. Должен быть выработан модус соглашения с теми странами, откуда идет эмиграция, для того, чтобы эмигрантам было разрешено взять с собой свои капиталы и свое имущество.

ПОМНИТЕ О СТРАШНОЙ НУЖДЕ ССЫЛЬНЫХ И ЗАКЛЮЧЕННЫХ

5. Конференция включает в круг своей деятельности не только тех эмигрантов, которые уже эмигрировали по указанным выше причинам, но и тех, которые еще собираются выехать.

6. Страны убежища имеют право, при допущении иммигрантов, принимать во внимание хозяйственную и социальную приспособляемость последних. Страны не обязаны финансировать вынужденную иммиграцию.

7. Конференция, превращенная в постоянный орган с местопребыванием в Лондоне, должна продолжать и дальше развивать дело, начатое в Эвиане.

Общие итоги эвианской конференции нужно считать благоприятными. Проблема беженства поставлена, как общая политическая проблема, решение которой невозможно без международного сотрудничества всех стран. Первым результатом этой постановки вопроса явилась усиленная готовность ряда стран принять более или менее значительное число беженцев. А принятое по предложению Соед. Штатов решение создать для этой задачи постоянный орган является дальнейшей гарантией того, что удастся преодолеть те затруднения, которые безусловно возникнут на этом пути

Г. АРОНСОН

Злоключения бывших бундистов в СССР

I. «НЕРАЗОРУЖИВШИЕСЯ» БУНДИСТЫ».

Как известно, наибольшее влияние в еврейской коммунистической среде в течение долгих лет сохраняли за собой бывшие бундисты. На всех этапах работы, — в борьбе за овладение массой, в период крымской колонизации, в начале Биробиджанской эпопеи, — в Ц. Б. евсекции, в журналистике, в пропаганде, наконец, в улушении всех противников коммунизма среди евреев, — первая скрипка часто принадлежала людям, расколовшим Бунд в 1919-21 гг. и пошедшим в Каноссу ленинизма. Эстер Фрумкина, Рафес, Вайнштейн, Чемерисский, Янкл Левин, Мережин, Хейфец вместе с некоторыми провинциальными товарищами составляли ядро воинствующего коммунизма, оттеснив на задний план всех остальных, — как «старых большевиков» типа Димантштейна, так и сионистов различных толков, примкнувших к коммунистам. Приблизительно до 1926 г. длилась эта гегемония бывших бундистов в области еврейской работы. К характеристике соотношения сил тут любопытно отметить, что до этого времени бывшим бундистам удалось отстоять свои преимущества настолько, что в течение 5 лет после раскола Бунда ежедневный официальный орган евсекции Белоруссии сохранял бундовскую фирму, — название «Векер», и повсюду действовали клубы под бундовской фирмой: клуб имени Бронислава Гроссера. И только осенью 1926 г. удалось группе старых большевиков добиться превращения «Векера» в «Октябрь» и гроссеровских клубов в ленинские. В 1926 г. как раз состоялся с'езд евсекции, с которого и начинается, все усиливаясь, ликвидация влияния бывших бундистов на еврейскую работу.

Борьба с «идеализацией Бунда» отныне становится краеугольным камнем новой коммунистической идеологии в еврейской работе. Вновь на авансцену выходят старые большевики-бундоеды. Вытравливание влияния традиций Бунда становится очередной политической задачей. И наряду с Агурским и Диманштейном, с усердием, достойным лучшего применения, работой самооплевания, извращения истории Бунда и истории еврейского рабочего движения занялись многие вчерашние деятели Бунда. Более того, некоторые из них не только стали разоблачать «мелкобуржуазный националистический характер» деятельности Бунда и каяться в «сепаратизме» и других смертных грехах, — но и пошли гораздо дальше, подписываясь под глубокомысленными «теориями» Ленина и Сталина по национальному вопросу, согласно которым, как известно, евреи не являются нацией и осуждены на ассимиляцию, на исчезновение. Справедливости ради надо отметить, что только меньшинство идеологов, гл. обр., в лице Рафеса, пыталось последовательно проводить эту линию, призывая ликвидировать еврейские школы и язык и форсировать процесс ассимиляции, поскольку она уже является неизбежной и неустранимой. Большинство бывших бундистов, однако, не могло переварить ассимиляторских настроений в такой лошадиной дозе и, принимая, конечно, заветы Ильича и «теории» Сталина в еврейском вопросе, выдвинуло новое обоснование необходимости еврейской работы, — а именно, стало отстаивать ту мысль, что в то время, как при капиталистическом строе еврейство обречено на гибель, как раз при коммунистическом строе создаются — в первый раз за всю историю еврейского народа, — предпосылки его национальной консолидации. Отсюда было недалеко до территориалистической теории, до идеи создания еврейской республики.

Эта идея довольно быстро была усвоена еврейскими коммунистами. Бывшие сионисты разных толков ловили в ней знакомые и родные ноты, а большевики, делавшие и «мировую» еврейскую политику, почувствовали, что с помощью идеи еврейской республики на российских просторах создавалась конкуррирующая с Палестиной идея. Так или иначе, к концу НЭП'а создалось парадоксальное положение: бывшие бундисты, которые в среде других еврейских группировок пользовались репутацией очень слабых националистов, стали теперь стопроцентными еврейскими националистами-государственниками, сторонниками «Сиона в Крыму» или «Сиона в Биробиджане». Случилось даже так, что вместе с Мережиным и Чемерисским известный коммунист Ларин явился главным пропагандистом еврейской территории. Высказываясь против Биробиджанского проекта, они ратовали за еврейскую рес-

публику «от Одессы до Абхазии». Успешная вначале работа Комзета и Ц. Б. евсекции по переселению евреев на землю, гл. обр. на Юге России, также шла по этому идейному руслу, ибо видела в компактной земледельческой колонизации естественную базу будущего еврейского государства. Литваков впоследствии говорил о националистическом уклоне этой группы, иронически отмечая у Мережина «претензии Теодора Герцля» («Эмес, 18 апреля 1937 г.). Так создалось положении, при котором, в тот момент, когда Сталин об'явил войну со всякими уклонистами, именно национализм стал вменяться в вину бывшим бундистам, как антипартийный уклон. Ларина смерть избавила от обвинений и преследований. Мережин же и Чемерисский тихо и незаметно были сняты с руководства еврейской работой. Только недавно впервые появилось упоминание имени Мережина в списке разоблаченных врагов народа. («Эмес» 28 марта 1937 г.). О Чемерисском, долголетнем руководителе евсекции, и до сих пор в советской печати нет ни звука, и сняли его с поста, — как сообщалось за рубежом, — по обвинению в том, что он... якобы служил в царской охранке.

Та же судьба в большей или меньшей степени коснулась других бывших бундистов, менее причастных к практической работе. Эстер Фрумкину одно время исключили за уклоны из партии, и понадобилось вмешательство Политбюро для восстановления ее в правах. Книги ее, — об Октябрьской революции и о Ленине, —были скоро признаны антипартийными и из'яты. Вайнштейну пришлось отказаться от всяких мечтаний найти себе применение в общей политической работе. Вначале его сослали председателем Башкирской республики, а потом назначили членом Колл. Наркомфина — но никакой карьеры не довелось ему сделать. Янкл Левин, рабочий столяр, один из наиболе горячих коммунистов из бывших бундистов, был также обвинен в «идеализации Бунда», и книжка его о «Маленьком Бунде» («Клейнер Бунд») была конфискована. Не приходится и говорить о том, что все наиболее ценные издания по истории еврейского рабоч. движения, как работы Бухбиндера, Киржница, Рафеса и др. — подверглись той же участи, — авторы же этих работ хорошо, если уцелели в живых. Ко времени ликвидации Евсекции ВКП было покончено целиком не только с ролью бывших бундистов в еврейской работе, но в сущности с их участием в еврейской советской общественности. К моменту более серьезных планов, связываемых с Биробиджаном, — уже почти никто из видных бундистов на авансцене не действовал. Все они были так или иначе ликвидированы в качестве правых или левых уклонистов.

II. ВЫСТУПЛЕНИЕ РАХМИЭЛЯ-ВАНШТЕЙНА.

Казалось, что с бывшими бундистами начисто покончено, но на новой стадии террора снова вспомнили об остатках бундизма, еще кое-где, главным образом, в «Озете» застрявших, — и вновь началась ожесточенная расправа. Одно из первых указаний на это мы нашли в период, непосредственно следовавший за ликвидацией председателя Биробиджана Либерберга. Так, в Киеве был разоблачен в качестве «троцкиста» директор 4-ой обувной фабрики Борнштейн. Обвинение против него было формулировано следующим образом: «Он скрыл от партии, что с 1909 по 1919 год он принадлежал к контр-революционному Бунду» («Эмес» от 2 сент. 1936 года). Любопытно отметить, что этот Борнштейн был одним из тех киевских бундистов, которые в 1919 году раскололи Бунд на Украине и вместе с Рафесом вошли в компартию. Но сейчас уже, видимо, позабыто, что в ту пору бундистов усердно «разлагали» и заманчиво привлекали в компартию. Сейчас бывших бундистов обвиняют не в чем ином, как в том, что они были бывшими бундистами, — принадлежали к «контр-революционному Бунду». Неизвестно, по этой ли причине ликвидирован теперь в Москве один из руководителей союза служащих Мороз, — бывший член президиума ВЧК в героическую эпоху Дзержинского. Не напомнили ли этому бывшему рабочему-меховщику, что некогда он состоял «в контр-революционном Бунде» и даже писал корреспонденции в бундовской газете «Ди Цайт», выходившей в Петербурге? А теперь он разоблачен и об'явлен врагом народа («Эмес» 10 сент. 1937 г). Этой же участи подвергнуты Рискин и Янкл Левин, а «неразоружившихся бундистов», поставленных на центральную работу в Биробиджане, затем об'явили «буржуазными националистами» и врагами народа («Эмес», 1 июня и 27 ноября 1937 г.). Наибольший интерес в этом смысле представляет собою расправа, произведенная в Москве в ноябре 1937 г. с Рахмиэлем Вайнштейном. Расправа была произведена публично и вызвала с его стороны политический протест, какого, нам кажется, Москва, придушенная сталинским сапогом, давно уже не слыхала. На случае Вайнштейна следует особо остановиться.

22-24 ноября 1937 г. в Москве было созвано совещание Центр. Совета «Озета» с представителями провинции. Видных коммунистов на нем было не много, ибо сейчас в СССР их всех можно буквально по пальцам сосчитать: «одних уж нет, а те далече». Тем не менее это были большие дни для еврейских коммунистов, и заседания были весьма многолюдны. Шла дискуссия, шел бой. Что с первого взгляда особенно бросалось в глаза — это, что на заседаниях наряду с троцкистами и бухарницами усердно клеймились и «неразоружившиеся бундисты». В них стали искать главную причину биробиджанской катастрофы, и за нее стали привлекать к ответу «неразоружившихся бундистов», которые, как оказалось, засели в Президиуме Центр. Совета «Озета». В первом отчете «Эмеса» (от 24 ноября) еще имена не были названы, и было неизвестно, против кого направлена «сигнализация». Однако, некоторый слабый свет был пролит и в первом отчете, в котором мы встретили следующие строки: «Член Президиума Центр. Совета «Озета» тов. Вайнштейн в своей речи не только не вскрыл действительные причины развала озетовской работы, но даже не счел нужным остановиться на вопросе о большевистской бдительности в работе органов Озета». Не является ли такого рода выступление Вайнштейна «явной иллюстрацией» его непригодности для руководящей роли! Если бы дело ограничивалось только этим выпадом против Вайнштейна, то, конечно, никакого особенного интереса оно не могло бы к себе вызвать. Но прошло два-три дня, и «Эмес» внезапно выступил с совершенно новым изложением того, что происходило на заседании «Озета» (№ от 27 ноября).

Этот отчет открывает настоящее наступление на бывших бундистов, а в специальной статье, посвященной Вайнштейну, речь идет уже не о том, что он не способен обнаружить необходимую большевистскую бдительность, — а совсем о других вещах: о «контрреволюционности» этого Вайнштейна. Оказывается, то, что вложено в его уста в отчете от 24-го ноября, Вайнштейн даже и не говорил. Совсем другое сказал Вайнштейн на этом заседании, и можно себе представить то смятение умов, которое обнаружилось на заседании среди запуганных террором и замордованных диктатурой деятелей «Озета», когда они услышали речь этого бывшего бундиста. Предоставим же слово репорте-

ру «Эмеса»: — «На пленуме Центр. Совета Озета, — читаем мы в новом варианте отчета, — Вайнштейн выступил с публичной идеализацией Бунда. Он открыто заявил, притом с известной долей гордости, что он сам воспитал того бывшего члена Ц. К. Бунда, который ныне разоблачен в качестве врага народа, но с которым он находился в постоянных и близких отношениях. Он публично также заявил, что для него явилось большим ударом разоблачение некоторых врагов народа» («Эмес» 27 ноября). Так передает «Эмес» содержание выступления на совещании Озета 22-24 ноября Вайнштейна, этого «бывшего руководителя контр-революционного Бунда», — как выразительно добавляет составитель отчета... Не все понятно в этом лапидарном тексте, составленном к тому же при помощи Эзопова языка, без которого ни шагу ступить не решаются сотрудники большевистских газет сталинской эпохи. Тем не менее политический смысл речи Вайнштейна ясен с первого абзаца.

Мы не знаем, что конкретно случилось такого, что возмутило Вайнштейна до такой степени и взволновало его настолько, что совесть его не выдержала, и он пошел напролом, рискуя головой. Может быть, он счел нужным выступить в защиту бундиста-рабочего Янкла Левина, которого он воспитал в Бунде и который недавно об'явлен врагом народа? Но слова его о члене Ц. К. Бунде, с которым он находился в постоянных и близких отношениях, наводят на мысль, — что этой участи подвергнута также и Эстер Фрумкина. Всякий, кто знает отношения, связывающие Вайнштейна с Фрумкиной, этих двух бывших вождей Бунда, несущих всю ответственность за раскол и разгром Бунда в России, — может себе легко представить, что в Вайнштейне взбунтовались все остатки его человеческого достоинства, если и Фрумкина «разоблачена», ликвидирована, брошена в тюрьму или поставлена под угрозу казни. Под впечатлением такого «удара» обычно сдержанный Вайнштейн решился заявить публичный протест, не взирая на последствия, которые должен в сталинской вотчине вызвать всякий протест, особенно столь откровенно-политический протест. И нет сомнений, что последствия для Вайнштейна уже наступили *).

В том же «Эмесе» мы находим и некоторые комментарии к выступлению Вайнштейна: «Эта антипартийная, бундистская, вражеская вылазка отнюдь не является неожиданной со стороны такого суб'екта, как Вайнштейн», — читаем мы в «Эмесе» (24-го ноября Вайнштейн еще именовался «товарищем», а 27-го ноября он уже превратился в «суб'екта». «Она выпирала из всей его бундистской, националистической сущности. Она ведет свое происхождение от той подлой контрреволюционной борьбы, которую он вел в течение десятков лет против нашей большевистской партии, против пролетарской революции». И статья заканчивается в административном стиле: «Националистическая маска должна быть с Вайнштейна сорвана. Давно пора!...» Не приходится сомневаться в том, что карьера Вайнштейна закончена. За мужественное выступление в СССР приходится жестоко расплачиваться. Быть может, теперь ему придется разделить тот тернистый путь, который вот уже скоро 20 лет проходят его бывшие соратники по Бунду, с самого начала понявшие действительный смысл большевистского господства и оставшиеся верными своим социалистическим и демократическим убеждениям. В коммунистической тюрьме перед Вайнштейном неизбежно станет вопрос: — Оправдался ли раскол Бунда? Стоило ли ему и Эстер покрывать своими именами дьявольскую игру советской диктатуры?

*) В мои статьи о разгроме еврейских коммунистов в СССР, напечатанные в нью-йоркском «оФрвертсе» от 8 и 11 января с. г., редакция ввела сообщения о расстреле Рахмиэля Вайнштейна, — повидимому, на основе информации, полученной в Нью-Йорке. Я склонен думать, что это сообщение не отвечает действительности.

ПО РОССИИ

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ВЫБОРОВ В СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИКАХ.

После печального опыта выборов в Верховный Совет СССР и не менее печальной 1-ой сессии союзного парламента интерес к «советскому парламентаризму» быстро пошел на убыль, и выборы в Верховные Советы союзных республик уже почти ни с чьей стороны не вызвали сколько-нибудь значительного внимания. Инсценировкой народного праздника организаторы выборов обманули разве лишь самих себя. Избиратели отплясали, отпели, отголосовали, «блок коммунистов и беспартийных» одержал, конечно, «блестящую победу», но это победа — над самой идеей народного представительства.

Казенный, «кампанейский» характер июньских выборов привел к чрезвычайному падению интереса и к итогам выборов. Между тем на некоторые черты этой избирательной кампании и ее итоги следовало бы обратить внимание. Правда, они в значительной мере повторяют характерные черты избирательной кампании по выборам в Верховный Совет СССР и были уже отмечены и нами в обзоре избирательной кампании конца прошлого года, но это повторение тем более подчеркивает типичность этих явлений.

Внимание общественного мнения и внутри Советского Союза и в еще большей степени на Западе привлек во время выборов в Верховный Совет СССР тот факт, что ряд зарегистрированных уже кандидатов перед самыми выборами — в прямое нарушение избирательного закона — был заменен другими кандидатами, а первоначально выдвинутые и официально зарегистрированные кандидаты бесследно исчезли. Этот факт так поразил в декабре московских корреспондентов иностранной печати, что почти все они отметили его в своих отчетах. Казалось, после этого конфуза на декабрьских выборах режиссеры избирательной кампании проявят при новых выборах повышенную «бдительность» при намечении кандидатов, и таких «несчастных случаев» больше не будет. Но диктатура уже, видимо, не в силах остановить хотя бы на короткое время процесс хирургического «обновления» своих руководящих кадров, и сколько ни проверяй, сколько ни просеивай, за те немного недель, которые отделяют регистрацию кандидатов от выборов, часть вернейших и надежнейших оказываются и не верными, и не надежными и начинают быстро катиться в пропасть, которая поглотила уже столько тысяч «врагов народа». Но то, что еще в декабре было отмечено почти всей европейской печатью, на этот раз не было отмечено н и к е м. И это тоже симптомы падения доверия к советскому парламентаризму.

По обязанности обозревателя я все же хочу заполнить этот пробел. Полные данные у нас, правда, имеются, только по РСФСР, так как об избирательной кампании в прочих союзных республиках московская печать сообщала лишь отрывочные сведения. Замена зарегистрированных уже кандидатов новыми людьми имела место по РСФСР в 16 избира-

тельных округах. Из них в двух случаях причина устранения первоначально зарегистрированных кандидатов заключалась, повидимому, не в личности устраняемых, а в необходимости освободить место для своевременно не выдвинутой в качестве кандидата «знатной» особы: это замена токаря-стахановца Пензенского завода им. Фрунзе Федяйкина Михаилом Кольцовым (вот для таких людей настало сейчас подлинно золотое времячко) и замена председателя одного из колхозов Оренбургской области Якутина заведующим отделом руководящих парторганов Оренбургского обкома Корякиным. Но всюду, где устраненный кандидат занимал сколько-нибудь видное положение, отстранение его означает, конечно, переход его в разряд обреченых. Среди таких обреченных отметим секретаря (теперь, конечно, бывш. секр.) Ленингр. обкома Харламова, Ленингр. обл. прокурора Позерна (оба были зарегистрированы кандидатами по Ленингр. обл.), нач. политуправления военно-морского флота М. Р. Шапошникова (его не нужно смешивать с начальником генерального штаба Б. М. Шапошниковым), заместителя Наркомпищпрома СССР Чигринцева (назначен замнаркомом в ноябре, при Микояне!), секретаря Башкирского обкома Билалова, председателя Уфимскаго горсовета Буренкина (с Уфой это какая-то катастрофа: во время выборов в Верховный Совет СССР здесь был отстранен Валерий Межлаук, а сейчас то же случилось с кандидатами по обоим уфимским округам), начальника Пермского городского отдела НКВД Левоцкого, редактора краевой «Алтайской Правды» Портянкина.

Об аналогичных случаях в прочих союзных республиках у нас имеются лишь почти случайные сведения, но на одном из них стоит остановиться. 1-ый секретарь ЦК КП Белоруссии, бывший до перехода на должность секретаря белорусского ЦК 2-ым секретарем Московского обкома (при 1-ом секретаре Хрущеве), член Верховного Совета СССР А. А. Волков был уже зарегистрирован в качестве кандидата в Верховный Совет Белоруссии (см. «Правду» от 31-го мая), но во время с'езда белорусского КП в середине июня с ним произошла какая-то катастрофа: он еще выступал в качестве докладчика по отчету ЦК, но в новый ЦК уже не попал и испарился и в качестве кандидата в Верховный Совет Белоруссии.

Но хроника избирательной кампании вскрывает не только случаи падения вчера еще влиятельных и сугубо «ответственных» работников партийного и советского аппарата, она позволяет и заглянуть в будущее и обнаруживает симптомы подготовляющегося падения или, по крайней мере, отодвигания в тень сегодняшних высших сановников. Во время последней избирательной кампании это обнаружилось в отношении целого ряда лиц, и сейчас еще формально занимающих исключительно высокое положение. Но карьера их явно дала сейчас глубокую трещину. Назовем наиболее громкие имена.

В. Я. Чубарь, член политбюро ЦК ВКП, заместитель председателя СССР, еще во время избирательной кампании в Верховный Совет СССР был одним из немногих кандидатов, которые не только были выставлены во множестве округов, но и удостоились высшей чести: опубликования в «Правде» полного списка многих сотен собраний избирателей, выдвинувших их кандидатуры. Чубарь и на этот раз был выдвинут в качестве кандидата в Верховный Совет РСФСР по Ленинградской, Свердловской, Курской, Куйбышевской и Тамбовской областям и по Башкирской АССР, в Верховный Совет УССР по Днепропетровской, Донецкой, Николаевской и Одесской областям, в В. С. Азербайджанской ССР, в В. С. Казахской ССР. Но зарегистрирован в качестве кандидата он уже нигде не был (это значит, что ЦК не позволил ему подать заявление о принятии кандидатуры) и нигде не избран. Это, конечно, для Чубаря роковой сигнал.

Г. И. Петровский, многолетний председатель украинского ЦИК'а, кандидат в члены политбюро ЦК ВКП, был выдвинут в качестве кандидата почти во всех украинских округах, но среди избранных депутатов — а в телеграммах приводится множество имен депутатов, занимающихся сколько-нибудь видное положение, — его нет. И его звезда клонится к закату.

То же с Н. К. Крупской: она была выдвинута в качестве кандидата в В. С. РСФСР по Куйбышевской, Оренбургской, Ростовской, Свердловской областям и по Татарской АССР, в В. С. УССР по Днепропетровской и Донецкой областям, наконец, в ВС Кара-Колпакской АССР. Но и она нигде не избрана.

К той же группе относится и — Георгий Димитров. И он был выдвинут в качестве кандидата в ВС РСФСР в четырех избирательных округах Ростовской области и в ВС Грузинской ССР, но нигде не был зарегистрирован в качестве кандидата. Для Димитрова это, правда, еще далеко не конец. Он еще нужен Сталину для заграницы. Но он уже переходит на положение коминтерновского «спеца» и во внутренней жизни Советского Союза сходит на нет. А его поддужные — Мануильский по Коминтерну и Лозовский по Профинтерну, оба еще избранные в декабре в В. С. СССР, — даже нигде уже не были названы на этот раз в качестве кандидатов.

О, конечно, все это еще не «враги», все это еще пока высшая советская «знать», но и их уже как-то краем коснулась волна, которая столь многих, достигших высших ступеней советской социальной иерархии, унесла в пучину общественно-политического небытия.

Процесс оттеснения в обоз вчерашних властителей, если не дум, то судеб советского народа, особенно наглядно сказывается на факте чрезвычайно слабого и быстро убывающего представительства в советских парламентах — членов ЦК ВКП. Из 139 членов и кандидатов в члены ЦК ВКП, избранных на последнем партийном с'езде вначале 1934 года), в декабре 1937 г. были избраны в В. С. СССР 43 человека. Сейчас в В. С. РСФСР избрано уже только 16 из них и кроме того трое (или четверо) в В. С. других национальных республик. Процесс «изнашивания» большевистских цекистов развивается бешеным темпом.

Недостаток места не позволяет подробнее остановиться на составе Верховных Советов. Отмечу только, что и на этот раз, как и при выборах в Ворховный Совет СССР, среди «народных избранников» оказалось множество наркомвнудельцев, но относительно меньше, чем на прошлых выборах, военных. Новое глубокое потрясение руководящего слоя армии уже после выборов в В. С. СССР сделало, повидимому, сейчас невозможным массовое выдвижение высших военных работников в качестве депутатов .

Но что заслуживает особенного внимания, это почти полное отсутствие среди депутатов профсоюзных работников. Черта эта поразила еще во время выборов в ВС СССР. Сейчас она выражена еще более резко. Среди 727 членов ВС РСФСР профсоюзные работники — т. е. профсоюзные работники по своей основной работе — представлены лишь одним (!) депутатом. Это «работница» — а в действительности инженер — Прасковья Макарова, председатель ЦК союза рабочих хлопчатобумажной промышленности Московской и Ленинградской областей и новых районов, а ныне товарищ председателя ВС РСФСР. Но даже и она еще год назад была начальником цеха фабрики «Красная Нить» в Ленинграде, и лишь с связи с ликвидацией «врагов народа, окопавшихся в Ленинградском обкоме профсоюза», она перешла на должность председателя обкома союза, а незадолго до выборов в ВС РСФСР, в связи с падением Артюхиной, была избрана председателем ЦК союза. Судя по сообщениям «Труда», по одному профработнику оказалось и среди депутатов Верховных Советов Белоруссии (Евдокия Гутен-

к о, председатель центрального правления Белорусского союза работников жилищного хозяйства), Узбекистана (М. П. И с а е в, председатель ЦК профсоюза рабочих хлопкоочистительных заводов СССР), Туркменистана (О г у л ь К у л и е в а, председатель фабкома Ашхабадской текстильной фабрики) и Грузии (А н т о н Д ж о р б е н а д з е, председатель дорпрофсожа). Среди нескольких тысяч депутатов Верховных Советов союзных республик профсоюзные работники представлены несколькими единицами, от одной до двух десятых процента! Тут есть над чем призадуматься.

С. Ш.

ТРАГЕДИЯ ИНОСТРАННЫХ КОММУНИСТОВ В РОССИИ.
(Письмо коммуниста).

Систематическое истребление в Сов. России всех иностр. коммунистов. — Советское правосудие. — Судьба немцев-коммунистов и их семей. — Болгарский коммунист Истеров. — Условия жизни в заключении и ссылке. — 7 милл. заключенных. — Высылки заграницу русских-немок...

31-го мая 1938 года.

Дорогие мои!

Первые строки с воли к Вам. Пишу в поезде, который только что переехал через Советскую границу... Что я видел, сколько ужасного, чудовищного и невообразимого я пережил, — об этом я мог бы Вам рассказать только устно. Сейчас только в общих чертах. Я все еще не могу опомниться от чуда, что я вырвался из этого ада. Вот уже 8 месяцев, как я каждую ночь ложился в кровать с мыслью: а буду ли я еще утром на том же месте? Да разве я один был в этом состоянии? Ведь во всем Союзе не найдется двух иностранцев, или двух бывших иностранцев, или даже русских, имевших какие-либо связи с иностранцами, которые бы, прощаясь, не выразили бы пожелания: «будем надеяться, что мы снова встретимся». Все, но решительно все до единого, мои старые друзья и знакомые-немцы **арестованы.** За последние полтора гора, начиная с ноября 1936 года, они стали исчезать один за другим, последний 22-го апреля с. г. Из «нашей» прессы Вы узнаете, что это все были «шпионы», «диверсанты» и т. п. На самом деле, все мои друзья были **долголетними членами ГКП,** и никогда не были ни троцкистами, ни чемлибо подобными. А что касается шпионажа, то они такие же «шпионы», как мы с Вами. Их единственным преступлением было то, что они иностранцы.

И вот Вам картинка советского «правосудия»...

Дело начинается с того, что ночью стучат, и к Вам вваливаются двое штатских с мандатами ГПУ и приказом об аресте. Ваша комната (в Союзе никто из простых граждан не имеет больше одной комнаты, даже, если это целая семья из нескольких человек) переворачивается вверх дном: стучат в стены, разрезают картины, забирают с собой все книги, рукописи, заметки, фотографии. А что происходит дальше, это я подробно узнал от одного знакомого, который был арестован по ошибке и потом выпущен. Первый вопрос, который на допросе ставят арестованному, например, служащему Коминтерна, такой: «Каким образом Вы были завербованы Гештапо?» Такой вопрос был поставлен, между прочим, и человеку, который жил в Союзе еще с 1930 года... Самое ужасное это то, что все люди, подобные мне и моим друзьям, уходят в тюрьму в твердом убеждении, что это ошибка, которая очень скоро раз'яснится, и что завтра они уже будут дома. Поэтому большинство не берет с собой никаких вещей, кроме мыла, щетки и полотенца, а некоторые и того не берут, а затем оказывается, что в тюрьме не дают ничего, — ни белья, ни платья, ни даже мыла. От родных не принимают никаких передач, разве только от мужа или жены, да и то в размере не больше 50 рубл. в месяц. Писать из тюрьмы нельзя и получать письма тоже нельзя. Семьи в большинстве случаев даже не знают, где находятся арестованные. Мне известен случай, когда родные одной женщины, арестованной летом в легком платьице, получили от нее через 18 месяцев известие из Восточной Сибири. В другом случае, тяжело туберкулезная женщина, арестованная без вещей, оказалась на Камчатке, и от нее пришла слезная просьба прислать хоть какие-нибудь старые вещи, хотя бы даже рваные, ибо на ней буквально ничего нет, кроме нескольких отрепий (а холод там доходит до 40 и 50 градусов). Впрочем, на этом острове европейцы, даже здоровые, все-равно погибают от скорбута. Все товарищи, от которых через 12-16 месяцев получилась первая весточка, сообщают прежде всего, что они не имеют представления, за что им дали 10 лет принудительных работ (ниже этого срока никто из моих знакомых не получил). Другими словами, приговор был вынесен административным порядком, без всякого суда. Оффициальная формула гласит: «за контр-революционную деятельность»...

...Так вот люди и пропадают, и не единицы, а сотни тысяч во всей стране. Дети осужденных, если им еще нет 16 лет, забираются в учреждения для принудительного воспитания. Родителей у них больше нет, а у их родителей нет больше детей. Мне известен случай, когда сначала была арестована женщина, мать годовалого ребенка, а затем был арестован и муж — отец ребенка. Младенец был отдан в воспитательный дом, вещи конфискованы, и семья оказалась стертой с лица земли. Конфискованных вещей не мало, ибо по

сему Союзу арестованных в концлагерях считается, по оф-ициальным данным, **7 миллионов.**

В Москве имеется целый ряд магазинов, где продаются о л ь к о конфискованные у заключенных вещи. Так как товарах огромный дефицит, то перед этими магазинами, ак впрочем, и перед всеми магазинами, гигантские очереди..

Тюрьмы настолько переполнены, что в камерах, предназначенных для 30 человек, сидят 150 и больше. Битком набиты и все подвалы милицейских участков.

Мы жили недалеко от Бутырской тюрьмы. Когда бы я ни выходил на улицу, к тюрьме или от тюрьмы вечно мчались тюремные автобусы. То и дело проносились с воем кареты скорой помощи, ибо вследствие необычайного переполнения, много заключенных тяжело заболевали.

Не очень весело и положение уцелевших членов семьи Прежде всего тебя выгоняют с работы. И это навсегда, ибо с клеймом арстованного мужа или отца уже больше никогда на работу не примут. Затем начинается трагедия с квартирой, ибо в Москве такой жилищный голод, какого Вы себе вообразить не можете. Семью выселяют из квартиры при помощи милиции, и если нет родных, которые тебя приютят, то дело плохо. Советских граждан, оставшихся без квартиры, часто арестуют «за бродяжничество». Для семей арестованных иностранцев, служивших в Коминтерне, устроены бараки в полуразвалившемся доме, где им приходится жить в большой тесноте. Но и оттуда их собираются выселить. Кто не служил при Коминтерне, того семью не принимают и в этот барак. ГПУ советует им пойти в их посольство, которое-де обязано им дать квартиру... Кто упорно отказывается итти в свое посольство, тех зачастую арестуют. Так было, напр., с одним поляком, который в свое время по распоряжению Компартии застрелил провокатора и был за это в Польше присужден к смертной казни. Болгарин **Истеров (?)**, избранный на VII Конгрессе Коминтерна членом контрольной комиссии, один из основателей болгарской компартии, присужденный в Болгарии к смерти, был в Москве **расстрелян.** Его жена, живущая уже 8 лет в Москве, член ВКП(б), была вместе с детьми выслана в Болгарию. Как я счастлива, что Вас МОПР не послал в Москву... Тут арестованы даже 17-летние юноши, сыновья очень известных социалистических лидеров-немцев. Все врачи, все учителя, все студенты, евреи и не-евреи, все об'явлены «фашистскими агентами».

Право жительства дается только на несколько дней, а затем снова надо стоять в очереди в паспортном отделе часами, для того, чтобы получить продление. А сколько при этом бюрократизма, об этом Вы не имеете ни малейшего представления.

Когда я последний раз был в паспортном отделе, я встретил там двух женщин, которые живут в России вот уже 26 лет. Это работницы, которые всю жизнь прожили на Урале, которые позабыли немецкий язык, замужем за русскими, имеют малых детей. По полному незнанию законов, они в свое время не предприняли нужных мер, чтобы выписаться из германского подданства, и потому до сих пор формально считаются «немками». Вот их и высылают заграницу, одних, без детей, без семьи. И это не единичные случаи... Вот другая женщина-работница. Русская, 45-ти лет. Еще до войны вышла замуж за немца. Теперь мужа и сыновей арестовали, а ее высылают в Германию. Сидит вот рядом со мной в вагоне, плачет. Денег ни копейки, последние 400 рублей отобрали при выезде заграницу, не дав ничего взамен. Не понимает ни слова по-немецки, не имеет заграницей ни одной живой души, и все ее имущество состоит из нескольких старых тряпок в маленьком порванном чемоданчике. О, баки, звери в человеческом образе, позорящие имя коммуна!..

ак я раньше жил, Вы знаете. Но с осени начался настояад. 5-го октября была арестована моя старая приятель- член партии с 1919 года и участница гражданской вой- Латвии, деятельница Коминтерна в разных странах. В начале декабря знакомые друзья-немцы, тоже старые заслуженные коммунисты, получили отказ в советском гражданстве и предложение получить обратно свои старые, еще в 1935 году истекшие, немецкие паспорта. Одновременно к ним каждый день стали являться представители милиции и домкома, требуя немедленной очистки квартиры. Моим друзья, старым коммунистам, было противно итти в гитлеровское посольство просить о продлении паспортов. Но доведенные до отчаяния приставанием домкома и пришедшие в ярость из-за несправедливого к ним отношения, они, наконец, махнули рукой и пошли в немецкое посольство. Там, конечно, полная противоположность: любезность, предупредительность, немедленная выдача паспортов и т. п. Дошло дело до того, что германское посольство устроило в доме бывшего австрийского посольства специальный приют для эмигрантов и оставшихся без крова семей арестованных коммунистов. Женщины и дети многих арестованных иностранцев, давно погибли бы с голоду, если бы в России не было такого товарного голода, что они за свои старые и довольно дрянные вещи могли выручить довольно большие суммы. Как люди тут вообще живут — это загадка. Моя знакомая — учительница получала 350 рублей в месяц, а пара дрянных дамских чулок, которая в Париже стоит 7-8 франков или в Германии 95 пфеннигов, стоит здесь 12 рублей. Кило масла 20 рублей. Костюмы, если таковой вообще можно получить, — 800 рублей минимум, туфли — 250 рублей и т. п. Но не так то легко эти товары получить: надо становиться в очереди с 5-ти часов утра, а товар такой дрянной, что немедленно рвется...

Да и с работой не так просто для иностранца, даже имеющего советский паспорт. Огромное большинство их не имеет работы, а те, которые имеют, дрожат, что ее потеряют. Ведь, раз уволенному, получить снова работу совершенно немыслимо. В общем, ужас, ужас и ужас... Все, что пи-

шут в газетах, ложь и вранье. Приезжающим сюда делегациям показывают потемкинские деревни. Только тот иностранец, который здесь живет много лет и знает язык, может понимать, что здесь делается.

Ну, друзья мои, надо кончать, мы уже под'езжаем к Варшаве... Еду в неизвестность, без гроша в кармане, но духа после всего пережитого не теряю. Знаю только одно: Партии для меня больше не существует.

Целую вас всех...

«ОТЕТ ГПУ НА ПИСЬМО К СТАЛИНУ».

Под этим заглавием орган голландской с.-г. «Гет Фолк» (2. 7. 38) рассказывает историю рабочего-голландца, принявшего всерьез т. н. самокритику и пытавшегося познакомить «вождя всех трудящихся» со своими впечатлениями о положении русского пролетариата.

И. Б. покинул Голландию много лет тому назад. Жертва знаменитой стачки 1903 г., он отправился искать счастья в Америке; работал там в разных городах, пока, в результате кризиса 1929-30 г., не очутился на улице. Оставив семью в Монреале, он решил уехать в Советскую Россию, страну как он верил — не знающую бича безработицы и предоставляющую всем и каждому возможность трудиться.

Декоратор и маляр по профессии, И. Б. быстро пристроился в строительном деле и успел за время своего пребывания в России окрасить тысячи домов в Москве и Баку. Занимаясь своей профессией, он наблюдал происходящее вокруг него и, хорошо зная условия жизни рабочих в Европе и в Америке, невольно сравнивал эти условия с тем, как живут трудящиеся в России. Безработицы он не видел. Но заработки были настолько мизерны, что не шли ни в какое сравнение с заработком рабочих любой индустриальной страны. Своих мыслей И. Б. не скрывал и делился ими с товарищами частью по-английски, частью на ломанном русском языке. Не удовлетворившись одними разговорами, он решил в письменной форме изложить выводы, к которым он пришел. Руководился он при этом самыми благими намерениями: принять участие в проповедуемых господствующей партией попытках поднять уровень жизни населения России. В свободное от работы время И. Б. собирал материалы в бакинской библиотеке и, в конце концов, написал по-английски брошюру с изложением накопленных им за 7 лет впечатлений. Брошюра вовсе не была враждебна советскому строю — И. Б. во многом согласен с большевиками — все же не без критики, той самой критики, о которой трубят

Свою брошюру И. Б. изготовил в 3 экземплярах. Один экземпляр он передал издательству, другой оставил себе, а третий вместе с сопроводительным письмом, содержавшем просьбу ответить на поставленные им вопросы, он отослал заказным «товарищу Сталину». Расписка сохранилась у него, один из немногих предметов, вывезенных им из России.

5-го апреля 1938 г. И. Б. отправил свою брошюру и письмо Сталину и стал ждать. Не получая долго ответа, он написал еще одно письмо по тому же адресу. Успех был тот же самый. Но вот 25-го мая к нему явились 2 агента ГПУ, велели собираться. И. Б. должен ехать с ними в Москву. Почему, зачем — они не об'яснили. К счастью, агенты явились как раз после получки, и И. Б. уехал не с пустыми руками из Баку. В Москве в ГПУ он узнал, что его высылают в Голландию, и что он должен немедленно купить билет до Амстердама. И. Б. запротестовал. В Америке высылают на казенный счет. Раз Россия хочет от него избавиться, то ГПУ должно дать ему денег на проезд. К тому же, получки, выданной в Баку, не хватит на такую далекую поездку. Никакие протесты не помогли. ГПУ порекомендовало ему продать кое-что из одежды и белья, чтобы раздобыть недостающие деньги на проезд. Пришлось подчиниться и расстаться с самым необходимым. На границу И. Б. приехал совсем на легке, имея в кармане несколько десятков рублей — остаток от продажи вещей в Москве. Но не тут то было. Ему не разрешили взять с собой ни копейки. Попытки убедить пограничных агентов, что от русской границы до Амстердама не близко и что по дороге ему нужно есть и пить, не увенчались успехом. Без копейки в кармане, почти без пищи И. Б. вынужден был покинуть Россию после семилетнего пребывания в ней. Третий экземпляр брошюры — причины всех его злоключений — у него, конечно, тоже отобрали на границе.

ИЗ ПАРТИИ

ГОДОВЩИНА СМЕРТИ И. ЮДИНА-АЙЗЕНШТАТА.

21-го июля, в день годовщины смерти нашего покойного товарища у его урны в колумбарии на Пэр-Лашез собрались его друзья и товарищи, члены З. Д. РСДРП, клуба им. Мартова, Медем-Фербанда и Арбейтер-Ринга. — На урну были возложены цветы, и тов **Р. Абрамович** в кратком слове почтил память усопшего.

ОТ РЕДАКЦИИ

Следующий, двойной № «Соц. Вестника» выйдет 25-го авг.

Le Gérant : Paul Colliette

Imp. Union, 13, rue Méchain, Paris.